

Серю П. (Лозанна, Швейцария)

**ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ СИСТЕМЫ:
НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПРАЖСКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА¹**

Автор статьи анализирует философские и методологические основания концепций Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого, а также Пражского лингвистического кружка. Особый вариант структурализма, сформировавшийся в Праге во многом отличался от Женевской школы и Соссюровского учения. Ключевое для структурализма понятие структуры можно представлять либо как онтологическую сущность, либо как систему отношений. Русские пражцы предпочитают первое.

В статье проводится анализ парадигматических корней взглядов Якобсона и Трубецкого. Хотя они и выступали против позитивизма и натурализма, против атомизма и асистемности младограмматиков, в работах русских пражцев проявляется географический детерминизм, параллели с натурфилософией и неоплатонизмом и т. п. Ориентация не на идею структуры, а на идею целостности системы, подчиняющейся внутренним законам и тенденциям развития, позволяют классифицировать пражский структурализм как онтологический. Система не является конструктом лингвиста-исследователя, она существует в реальности.

Ключевые слова: структурализм, система, Пражский лингвистический кружок, Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой, натурфилософия

PATRICK SÉRIOT (LAUSANNE, SWITZERLAND). THE CONTRADICTORY GENESIS OF THE NOTION OF SYSTEM: NATURALIST SOURCES OF PRAGUE SCHOOL STRUCTURALISM. The paper looks into philosophical and methodological underpinnings of the works by R. O. Jakobson, N. S. Trubetzkoy and the Prague linguistic circle. A unique variant of

¹ Оригинал статьи: Sériot, P. L'origine contradictoire de la notion de système : la genèse naturaliste du structuralisme pragois, in M. Mahmoudian et P. Sériot (éd.) : Cahiers de l'ILSL, n°5, 1994 : L'Ecole de Prague : l'apport épistémologique (pp. 19-58). См. также <http://creleco.seriot.ch/colloques/94CLP/Seriot.pdf>. Печатается по любезному предложению автора. Авторизованный перевод с французского В. Б. Кашкина.

structuralist approach to language that was formed in Prague was in many ways different from the Genève school and Saussure's ideas. The key structuralist concept of *structure* can be understood as either an ontological entity or a system of relations. The Prague circle preferred the former to the latter.

The paper analysis paradigmatic roots of Jakobson and Trubetzkoy's approach. Though they disputed positivism and naturalism and argued against atomism and asystematic views of the Neogrammarian school, the works of the Prague linguists demonstrate geographical determinism. Also there are similarities between the Prague circle and natural philosophy and neoplatonism. The Prague version of structuralism can be treated as ontological because of its orientation towards the idea of the wholeness of the system with its own laws and development trends. For the Prague scholars, the language system is not a construct but an existing entity.

Keywords: structuralism, system, Prague linguistic circle, R. Jakobson, N. Trubetzkoy, Naturphilosophie

Светлая сторона науки не настолько светла, как кажется.

Жорж Гюсдорф¹

Структурализм не появился вдруг, как гром среди ясного неба, у него была своя предыстория, несмотря на заявления о полном разрыве с предыдущим этапом, которые время от времени встречаются у основателей данного направления. Это уже не откровение после публикации работ Кассирера (Cassirer 1945), Персиваля (Percival 1969), Кёрнера (Koenner 1975), проливших свет на данную проблему. В последней рассматривается долгий «период вызревания» идей структурализма, начиная с конца XVIII века (Koenner 1975: 725).

Тем не менее, насколько мне известно – если не принимать во внимание работы Томана (Tomán 1981, 1992), Холенштейна (Holenstein 1984, 1987), Гаспарова (Gasparov 1987) и Виэля (Viel 1984) – до сих пор мало внимания уделялось тому, что в 20-30-е годы в Праге сформировался особый *восточный* вариант

¹ Gusdorf, G. *Le romantisme*. Т. 2. – Paris: Payot, 1993. – P. 365.

структурализма. И этот восточный вариант, преимущественно в работах «русских пражцев»¹, заявляет о своей независимости и эпистемологической специфичности, о своём фундаментальном отличии от других школ, причисляющих себя к структурализму, в первую очередь – от Женевской школы.

По поводу известного изречения: «Язык – это система, в которой всё взаимосвязано (*où tout se tient*)»² Кассирер (Cassirer 1945: 104) цитирует Брёндаля (Bröndal 1935: 110), для которого «в каждый конкретный момент состояния языка в нём всё системно; любой язык состоит из совокупностей, в которых всё взаимосвязано <...> Если мы говорим *система*, то мы подразумеваем упорядоченную совокупность: если всё взаимосвязано, то и все термины должны быть зависимы друг от друга»³. Кассирер же распространяет этот пример на всё структуралистское течение без исключения:

«Подобное же убеждение появляется в «КУРСЕ ОБЩЕЙ ЛИНГВИСТИКИ» де Соссюра, в трудах Трубецкого, Якобсона и других членов Пражского лингвистического кружка» (Cassirer 1945: 104).

И действительно, некоторые заявления Якобсона подтверждают этот взгляд:

«Некоторые лингвисты, связанные с Пражским кружком, прибыли в 1928 году на международный конгресс в Гааге с проектами собственных ответов на вопросы, предложенные оргкомитетом конгресса. У них всех сложилось впечатление, что их отклонения от традиционных взглядов не получают поддержки и даже могут встретить сильное противодействие. Тем не менее,

¹ Здесь речь пойдёт, в первую очередь, о Якобсоне и Трубецком. С. Карцевский, несмотря на своё участие в написании пражских тезисов, не сыграл значительной роли в истории пражского лингвистического кружка. В переписке Трубецкого ему уделено весьма незначительное место. Напротив, обратим внимание на географа П. Савицкого, одного из идеологов «евразийского» движения, члена Пражского лингвистического кружка, писавшего в TCLP и оказавшего существенное влияние на Якобсона и Трубецкого [TCLP = Travaux du Cercle Linguistique de Prague – Труды Пражского лингвистического кружка – *прим. переводчика*].

² Авторство самой этой фразы является предметом споров, ср. (Tompa 1987; Newson 1990; Peeters 1990).

³ В случае отсутствия изданного русского перевода цитируемой работы перевод был сделан нами – *прим. переводчика*

во время официальной дискуссии и позднее в кулуарах 1-го Конгресса лингвистов оказалось, что молодые исследователи из различных стран разделяют одни и те же взгляды. Эти исследователи, работавшие в одиночку на свой страх и риск, к своему удивлению обнаружили, что они борются за одно дело (Jakobson 1963: 104; 1973: 312).

Также справедливо и то, что единственная работа Трубецкого, которую действительно читают на Западе – «ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ» – для обоснования различия между фонологией и фонетикой прямо опирается на соссюровское противопоставление языка (*langue*) и речи (*parole*) (Trubetzkoy 1986: 4)¹

Вот как поддерживается этот унимистский взгляд после второй мировой войны:

«Формирование фонологических идей Трубецкого по сути проходило под воздействием инновационных идей «КУРСА ОБЩЕЙ ЛИНГВИСТИКИ»: язык выполняет общественную функцию; он представляет собой систему; звуковые единицы выступают в роли языковых единиц, благодаря которым осуществляется общение» (Ivic 1970: 135).

*«Труд Ф. де Соссюра был одним из основных источников вдохновения Пражского лингвистического кружка, наибольшее же влияние из всех идей Соссюра оказало понятие языка (*langue*)» (Steiner 1978: 357).*

Даже когда положение об однородности структурализма ставится под сомнение, ссылка на Соссюра всё равно является «неприкосновенной» отчкой отсчёта:

«Структурализм вовсе не был однородным течением, он выступает в разных видах. Обычно приводят в пример фонологию Трубецкого, глоссематику Ельмслева, концепцию Куриловича или общую грамматику Хомского <...> Единственное, что объединяет структуралистов, это то, что они все в той или иной степени причисляют себя к последователям Соссюра» (Mańczak 1970: 170, цит. по: Koerner 1975: 808).

¹ Отметим, тем не менее, что это практически единственное упоминание Соссюра в данной книге и уж точно единственное положительное упоминание Соссюра во всём научном творчестве Трубецкого.

И, тем не менее, такие заявления о единодушии могут привести в недоумение. Был ли Пражский кружок «соссюрловским, сам того не осознавая»¹?

На самом деле, у структурализма «пражских русских» имеется ещё одна сторона. Разумеется, их тексты, написанные на западноевропейских языках, наводят на мысль, что они служили одному «общему делу», как и их западноевропейские коллеги. Взять для примера некролог Мейе, в весьма хвалебных тонах написанный Якобсоном (Jakobson SW-2 1971: 497-500). Однако менее известные работы, написанные по-чешски или по-русски в 20-30-х годах, выявляют скрытую сторону их научных исследований. Так, Трубецкой, в одном из писем 1932 года, пишет Якобсону, что перечитывая «Курс...» он не обнаружил там ничего кроме «старого хлама» (Troubetzkoу 1985: 241).

Если в период между войнами различные школы принимают одно и то же название, провозглашают одни и те же принципы, полностью отдавая себе отчёт в наличии расхождений между ними, то что же у них, действительно, общего, чтобы носить одно и то же название? Отражает ли это название реальную общность взглядов или это всего лишь объединение для удобства? Чем же является эта единица наименования?

Как мне кажется, бурная история «европейского структурализма» (или «континентального», как его назвал Якобсон в 1963 году) таит в себе возможность недопонимания, основанного на двух трактовках ключевого понятия структуры: либо как онтологической сущности, либо как системы отношений. Вклад русско-пражских учёных особенно поучителен и показателен в отношении существования этих двух концепций и вытекающих из этого заблуждений.

1. По ту сторону зеркала

Теория рождается из споров и даже благодаря им. В 20-30-е годы Якобсон и Трубецкой уделяют немалое время тому, чтобы выработать своё отношение к течениям, которые они рассматривают – справедливо либо несправедливо – как

¹ Вероятно, косвенная ссылка на книгу Жоржа Мунена (George Mounin) “SAUSSURE OU LE STRUCTURALISTE SANS LE SAVOIR (СОССЮР ИЛИ СТРУКТУРАЛИСТ, САМ ТОГО НЕ ОСОЗНАВАЯ)”, Paris: Editions Seghers, 1968 – прим. переводчика

противостоящие их взглядам. Изучая важнейшую тематику из того, что М. Виэль называет «якобсоновской демонологией» (Viel 1984: 39), можно, наоборот, попытаться реконструировать то, что они пытались установить сами, отграничивая свои взгляды от конкурирующих теорий.

Якобсон явно ощущает себя в ситуации перелома и провозглашает, что он принадлежит к новому духу времени: «Въ нынешней иерархии ценностей», «теперь» (Jakobson 1971 [1931] SW-1: 144); «Атомизму прежних времён противопоставляется...», «Если ортодоксальный эволюционизм учил, что <...>, исследования нашего времени показывают, напротив...» (Jakobson Jakobson 1971 [1938] SW-1: 235); «преобладающая европейская мысль второй половины XIX века» и «Современная идеология» (Jakobson 1971 [1929] SW-1: 110); «традиционная историческая фонетика» и «... современная психология» (Jakobson 1971 [1931] SW-1: 202-203); «Традиционные догмы» и «новый подход к языку» (Jakobson, 1963: 104-105)¹.

Между тем, этот декларативный разрыв, как представляется, не соответствует тому, что Г. Башляр назовёт позднее «эпистемологическим разломом». Попробуем представить картину якобсоновской демонологии, чтобы показать, как формировалась та самая «современная лингвистика» (Jakobson 1970: 419; Якобсон 1985: 369).

Во-первых, на этой картине мы увидим несколько ярких портретов: главным образом, это Шлейхер (1821-1868) и младограмматики, которые с его стороны не заслуживают никакой жалости. Далее идёт ещё несколько крупных мазков этой недоброй картины. Приведём, в первую очередь, *случайность*, *атомизм*, *причинность* и *генетическое объяснение*.

После войны у Якобсона формируется более интернационалистский и примирительный настрой. Но в 20-30-е годы эпистемологический разлом, идею которого он продвигает, осмысливается им не только как временная оппозиция (старая наука / новая наука), но и как оппозиция пространственная

¹ Работы Якобсона и Трубецкого цитируются по изданным переводным текстам при их наличии (см. список литературы); в случае отсутствия опубликованного русского текста переводы для данной статьи осуществлялись с учётом первой публикации на том языке, на котором она появилась – *прим. переводчика*.

(западная наука / русская наука – эпистемологический разлом в этом случае становится ещё и гео-культурным). «Пространственный фактор», ставший для Якобсона лейтмотивом всей его жизни, начинает играть, таким образом, роль научной парадигмы. В этой «теории двух наук» Россия (советская и эмигрантская) противостоит Западу и превосходит его (ср. Sériot 1993, 1994).

Демоны Якобсона именуются так: *позитивизм* и *натурализм*.

О чём же, собственно, идёт речь?

1.1 Проблема позитивизма

Ближе к середине XIX века в языкознании Франции и Германии явно стал преобладать позитивистский настрой, одновременно как реакция на теории, выросшие из натурфилософии, и как влияние О. Конта. Наиболее чётко этот настрой проявляется у младограмматиков. Будучи враждебно настроенными по отношению к любым филозофским рассуждениям, младограмматики не принимают во внимание ничего, кроме доступных любому наблюдателю *фактов, наблюдаемых данных*, какими бы они ни были, и держатся в стороне от абстракций.

Получается некий феноменализм, который решительно отвергает всё, что не поддаётся опытной проверке, и обязуется никогда не выходить за пределы опыта.

Но языкознание не обязано быть всегда только лишь описательным – объяснять изменения в языке, находя *причины* каждого факта, также необходимо. Причинное объяснение, таким образом, является наиболее верным критерием для позиции научного позитивизма. Младограмматики принципиально против любого финалистского объяснения. Целью научного исследования является установление фонетических *законов*, являющихся *абсолютными*, каковыми и должны быть причинно-следственные отношения между двумя явлениями.

С точки зрения приёмов аргументации, младограмматики настроены враждебно по отношению к любым аргументам психологического либо метафизического толка. Если язык можно назвать их объектом, то этот объект состоит из совокупности фактов и является вещественным. Наконец, их наука –

языкознание – не является общественной наукой, поскольку язык полностью независим от деятельности говорящих субъектов¹.

Младограмматики (например, Бругманн и Дельбрюк) открыто выступают против языковеда, который был непосредственным их предшественником – А. Шлейхера. Они упрекают его в размышлениях, далёких от твёрдой почвы наблюдаемых фактов, а также в проводимых им аналогиях между языком и живым организмом².

Якобсон многократно противопоставляет (не только в 20-30-е годы, но и позже) «новую науку» как позитивизму, так и натурализму, большей частью уподобляя эти термины друг другу.

Возникает щекотливый вопрос, ведь, по крайней мере, во Франции критики структурализма приравнивали его к позитивизму, говоря о «позитивизме структурной лингвистики» (Maldidier et al. 1972: 117), а якобсоновское понимание коммуникации, как считается, развивалось «под эгидой позитивистской науки» (Flahault 1984: 36).

Что же имеют в виду русские пражцы, когда они говорят о позитивизме?

Якобсон и Трубецкой обвиняют младограмматиков прежде всего именно в «атомизме» и «механицизме». Термин «позитивизм» они не часто используют. Якобсон, к примеру, применяет его для того, чтобы подчеркнуть, что Прага, до структурализма, была местом, где царствовал наиболее умеренный позитивизм, который описывают (вслед за Гебауэром)

¹ Тем не менее, Дюкро и Тодоров, говоря о позитивизме младограмматиков, напротив, настаивают на том, что с точки зрения последних «единственные поддающиеся проверке причины следует искать в деятельности говорящих субъектов, которые преобразуют язык в процессе его использования» (Ducrot, Todorov 1972: 27).

² И всё же позитивизм иногда уподобляют натурализму Шлейхера: Ш. Кампру (Camproux 1979: 26) говорит о месте в языкознании «позитивистских теорий О. Конта, которые считались основанными на биологии и дарвиновском эволюционизме. Под влиянием Дарвина, немецкий языковед А. Шлейхер, который также занимался ботаникой, выдвинул теорию, называемую родословным древом. <...> Тем самым А. Шлейхер пришёл к отрицанию того, что языкознание может быть исторической дисциплиной, имеющей в качестве своего объекта свободную деятельность человеческого духа (*la libre activité de l'esprit humain*)».

как «фанатический культ изолированных фактов», в результате чего Гебауэр выступил против создания кафедры общего языкознания (Jakobson 1971 [1932] SW-2: 540).

Заметим сразу, что Якобсон и Трубецкой не упоминают О. Конта. Они не анализируют позитивизм как философию, а используют его как знак неприемлемой доктрины младограмматиков.

Вслед за Кёрнером (Koenig 1975: 724) можно сказать, что в XIX веке «никто из лингвистов не заявлял всерьёз, что язык не является в том или ином смысле организованным, а представляет неупорядоченный конгломерат из отдельных слов». Кёрнер продолжает: «Мне и в самом деле неизвестен никто, кто за два-три последних тысячелетия существования западной цивилизации, размышляя о природе языка, отрицал бы, что язык представляет собой тем или иным образом организованную сущность» (Там же: 805).

Но именно в отсутствие системы и упрекает младограмматиков Якобсон, когда он говорит об «атомизме» и «механизме» предшествующих теорий.

В 1929 году в своей работе «REMARQUES SUR L'ÉVOLUTION PHONOLOGIQUE DU RUSSE COMPARÉE À CELLE DES AUTRES LANGUES SLAVES»¹ Якобсон утверждает, что Соссюр – в том, что касается диахронической лингвистики – остался в «борозде, проложенной младограмматиками»:

«Для него <...> некоторые элементы изменяются, не принимая во внимание взаимозависимость, которая их связывает с единым целым, и, как следствие, не могут изучаться иначе как вне системы. Сдвиг в системе происходит под воздействием событий, которые не только ей чужды, но и сами по себе являются изолированными и не образуют между собой никакой системы» (Jakobson 1971 [1929] SW-1: 17).

«Понятие фонологической системы как случайной совокупности следует отставить в сторону» (Там же: 22).

«Младограмматическое понимание истории языка было равно отсутствию теории. Теория, объясняющая некий исторический процесс, возможна только при условии, что объект, который

¹ «Замечания о фонологической эволюции русского языка в сравнении с другими славянскими языками»

испытывает изменения, рассматривается как структура, подчинённая своим внутренним законам, а не как случайная совокупность» (Там же: 109).

«Учение Соссюра <...> продолжает относиться к диахронии как к совокупности изменений случайного происхождения» (Там же: 109-110).

И, далее, вот наиболее известный критический выпад:

«Механическое нагромождение вследствие игры случая или воздействия разнородных факторов – вот любимая картинка для европейского мировоззрения второй половины XIX века. Современное мировоззрение в своих разнообразных и генетически независимых проявлениях всё чётче и чётче подчёркивает значимость функциональной системы вместо механического прибавления, имманентных структурных законов вместо чисто бюрократической отсылки к прецедентному случаю, целенаправленной эволюции вместо слепого случая (Там же: 110).

Даваемые оценки становятся все менее и менее мягкими, именно в этом наиболее ярко проявляется оппозиция между атомистическим и системным подходом:

«Традиционную историческую фонетику отличало изолированное рассмотрение звуковых изменений, невнимание к системе, в которой происходят эти изменения. Такой подход к фактам полностью отвечал господствовавшему в ту эпоху мировоззрению: для ползучего эмпиризма младограмматиков система вообще и лингвистическая система в частности представляли собой, в терминах современной психологии, механическую сумму (Und-Verbindung¹), а никак не структурное единство (Gestaltseinheit).

Фонология противопоставляет изолирующему методу младограмматиков интегральный метод; фонологический факт она рассматривает как целое, которое входит в качестве части в состав других целых, которые в свою очередь являются частями

¹ *Und-Verbindung* – совокупность отдельных элементов, обладающая аддитивными характеристиками; *Gestaltseinheit* – досл. «гештальт-единство», единая система, структура, обладающая неаддитивными характеристиками, в противовес сумме разрозненных явлений, иногда встречается в характеристиках соссюрговской концепции; ср. также понятие *гештальта*, появившееся в психологии на рубеже XIX-XX вв. – прим. переводчика

ещё более высшего порядка, и т. д. Таким образом, первый принцип исторической фонологии гласит: всякое изменение следует рассматривать в соотношении с системой, в которой оно происходит. Звуковое изменение нельзя понять, не выяснив его роли в системе языка (Jakobson 1971 [1931] SW-1: 202-203; Якобсон 1985: 116-117¹).

До этого момента, даже если оценка, данная младограмматикам, и была несколько скоропалительной, мы имели дело с ясным и чётким противопоставлением между атомистическим и системным подходом.

Всё становится сложнее, когда мы обращаемся к проблеме случайности, закономерностей и детерминизма.

Шлейхеру, младограмматикам и Соссюру² выдвигается обвинение в том, что они не видят в развитии языков ничего, кроме 1) случайности, 2) идеи прогресса. Оба этих понятия противоречивы и никак не применимы одинаковым образом к этим трём школам, но это уже другая проблема.

Вот какую мрачную картину рисует Якобсон:

«По Соссюру, изменения протекают вне всякого намерения, они случайны и непреднамеренны. <...> Блестящее сравнение Соссюром языковой игры и партии в шахматы теряет свою объяснительную силу, если поставить его рядом с соссюрским мнением, что в языке отсутствует предумышленность и что фигуры в нём перемещаются случайным образом. <...> Шлейхер старался примирить признание внутреннего функционального смысла языковой системы, который обеспечивается прямым опытом, с идеей отсутствия смысла и наличия слепого случая в развитии языка, понимая так называемый внутренний и функциональный смысл, как остаток первоначального совершенства языковой системы. С этой точки зрения, развитие сводится к распаду, к разрушению (Jakobson 1971 [1929] SW-1: 17).

Однако Якобсон, основываясь именно на этом, собирается вырабатывать свою противоположную случайности точку зрения как на развитие языков, так и на их синхронное состояние.

¹ Перевод с немецкого А. А. Холодовича

² Вполне оправдано мнение, что хотя Соссюр и утверждает, что «язык это форма, а не субстанция», он думает именно о младограмматиках. Но Якобсон связывает его с младограмматиками из-за антифинализма.

Вот что он пишет по поводу явно разнородного множества языков народов СССР (который он называет «Евразией»):

«есть ли единство в этом смущающем европейца многоязычии? что́ это – случайное сборище, хаотический сброд – или закономерное сочетание, гармонический союз?» (Jakobson 1971 [1931] SW-1: 148).

Известно, что Якобсон и Трубецкой считали, что развитие языков подчиняется законам: диахрония сама по себе образует систему.

В меньшей степени известно, впрочем, что для них понятие системы в синхронии не ограничивается языком, язык сам также включается в более широкое единство, в котором составляет лишь часть. Возможно, язык и является «системой систем», но и он является частью превосходящего его по размерам более крупного единства.

Приведём сначала некоторые скрытые намёки:

«[Необходимо] подвергнуть пересмотру исходные материалы. Некоторые сходства настолько убедительны, что не могут быть случайным совпадением» (Jakobson 1971 [1929] SW-1: 109).

А вот эмоциональное высказывание полвека спустя:

«... вскоре после учреждения Пражского Лингвистического Кружка в октябре 1926 года <...> я обратился к Трубецкому с пространственным взволнованным письмом, просившим поведать, как он относится к моему назревшему выводу о системном и целенаправленном характере языковых изменений и о глубоко неслучайной, целенаправленной слитности языковой эволюции с развитием остальных общественно-культурных систем. <...> Трубецкой отвечал одним из своих знаменательнейших посланий <...> Трубецкой соглашался, что “другие стороны культуры и народной жизни тоже эволюционируют со своей особой внутренней логикой и по своим особым законам, тоже ничего не имеющим общего с прогрессом. И именно поэтому этнография (и антропология) этих законов изучать не хочет. <...> Но, вместе с тем, не подлежит сомнению, что какой-то параллелизм в эволюции разных сторон культуры существует, – а следовательно существует и какая-то закономерность, этот параллелизм обуславливающая” (Jakobson 1987 SW 8: 489-490).

Постепенно устанавливается понимание внутреннего содержания понятий территории и территориальной близости. Якобсон считает, что там, где наблюдается ареал политонии, «обычно» можно найти ареал произношения гласного с гортанным усилением (Jakobson SW-1: 245; Якобсон 1985: 103). Он также отмечает наличие параллельных территориальных явлений: евразийский фонологический союз (характеризующийся наличием мягкостной корреляции) является «центральным» явлением, как на востоке, так и на западе сочетающимся с политоническими языками («периферийным» явлением). Эти факты подтверждают тезис Якобсона, согласно которому между пространственным распределением системных явлений имеются отношения необходимости:

«Маловероятно, чтобы эта симметрия двух границ одного союза была бы обязана простой случайности» (Jakobson SW-1: 245; Якобсон 1985: 103).

Эти фрагменты показывают весьма далёкий от соскоровского интеллектуальный мир, в котором лингвистика является «социальной наукой», поэтому её законы подобны *необходимым* законам, а общество подобно *природному* образованию.

1.2. Проблема натурализма

Натурализм в языкознании, в основном связываемый с именем А. Шлейхера¹, состоял в том, что языки и языковые семьи рассматривались подобно видам в их становлении, так же как виды животных и растений. Шлейхер относился к языкам, как к живым природным организмам, которые вне зависимости от человеческой воли рождаются, растут и развиваются по строгим законам, а затем стареют и умирают. Именно ему принадлежит

¹ Насколько мне известно, Шлейхер никогда не использовал термин «натурализм» в отношении своей теории. Это название срослось с именем Шлейхера уже постфактум. Интересно было бы узнать, кто его употребил первым. Более того, следует отметить, что натурализм в языкознании имеет лишь отдалённую связь с употреблением этого слова в философии (там это означает особую форму пантеизма или материализма, который отрицает существование какой-либо внешней по отношению к природе творящей либо организующей причины) или в эстетике (где он соответствует воспроизведению действительности с абсолютной объективностью и во всех её аспектах).

наиболее подробная разработка теории «родословного древа» и преобразование описательной типологии (три морфологических класса языков) в типологию эволюционную (флективные языки являются одной из стадий развития языков, следующей после стадии агглютинативных, в свою очередь эти последние следуют за изолирующими языками).

Языкознание предстаёт в этом случае как естественная наука, объектом которой является изучение законов языковой эволюции методами настолько же строгими, как методы химии или биологии. В этом можно найти некоторые отголоски гегельянской традиции, в рамках которой науки о природе – царство необходимости – противостоят наукам об обществе – царству свободы. Законы природы принимают в качестве научного идеала установление *объективных закономерностей*.

Критики Шлейхера многочисленны. Мы уже говорили о критике со стороны младограмматиков. К этому следует добавить критические позиции И. Шмидта (1843-1901), который вместо теории генеалогического древа предложил теорию «волн», а также Г. Шухардта (1842-1927), чьи работы по скрещиванию языков «разбили оковы», налагаемые теорией генеалогического древа.

Якобсон, возможно, даже в большей степени выступает против натурализма Шлейхера, чем против позитивизма младограмматиков. Он неоднократно возвращается к этой теме, часто касаясь способов доказательства (не давая определения тому, что он понимает под натурализмом):

«Напоминать сейчас о том, что языкознание является социальной, а не естественноисторической наукой, – это значит высказывать банальную истину. И всё же, как это часто бывает в истории науки, устаревшая теория может быть опровергнута, сдана в архив, а довольно многочисленные пережитки её, ускользающие от контроля критической мысли, тем не менее остаются (Jakobson 1971 SW-1: 234; Якобсон 1985: 92)»¹.

¹ С этой точки зрения очень трудно понять начало весьма хвалебной статьи, которую Якобсон посвятил Крушевскому: «Недаром в своих “Положениях” (1881) Крушевский в первую очередь заявил, что главная задача языкознания “не восстановление картины прошлого в языке, а раскрытие законов явлений языка”, и, следовательно, по самой своей

Впрочем, причины, по которым Якобсон так жёстко критикует Шлейхера и натурализм, как мне кажется, довольно-таки отличаются от той критики, которую высказывали его современники.

Прежде всего, у Шлейхера есть такие темы натуралистического толка, которых Якобсон вовсе не касается, например, рождение, жизнь и смерть языков или приверженность Шлейхера понятию строгих законов.

В некоторых случаях его критика примыкает к общему мнению: имеется в виду эмпиризм и то, что можно было бы назвать «физикализмом» Шлейхера (хотя Якобсон этого слова и не употребляет).

«Уже давно отвергнута доктрина А. Шлейхера, завязанного натуралиста в области языкознания, а пережитки её живучи и по сей день. Именно её тезису о физиологии звуков как «основе всей грамматики» эта вспомогательная и по существу внелингвистическая дисциплина обязана тем почётным местом, которое она продолжает занимать в науке о языке» (Jakobson 1971 [1938] SW-1: 234; Якобсон 1985: 92).

«Но и в синхронной лингвистике конкретные исследования богаты пережитками прежнего натурализма. Наиболее заметный пример – анализ звуков языка. Языковеды представляли язык как чужой и непонятный говор, как если бы речь шла только лишь о цепочке акустических восприятий, лишённых смысла» (Jakobson 1971 [1932] SW-2: 545).

Здесь натурализм тесно сплетается с физикализмом, что позволяет Якобсону приравнивать натурализм к доктрине младограмматиков.

«Фонологический анализ инвентаря звуков некоторого данного языка коренным образом отличается от натуралистического анализа, которым занимается фонетика. Фонология не исключает фонетики, но в то время как первая из них является составной частью языкознания и изучает фонемы как конститутивные элементы определённого языка, фонетика

методологической природе лингвистика сближается не с “историческими”, а с естественными науками» (Якобсон 1985: 331). Правда, это статья 1965 года. Слово «естественный», как представляется, употреблено здесь в смысле: «подчинённый действию закономерностей».

описывает с натуралистической точки зрения звуковой материал, которым пользуется данный язык» (Jakobson 1971 [1932] SW-2: 546).

Натурализм (этот термин иногда может употребляться и в том смысле, который он имеет в эстетике) для Jakobsona по сути асистемен.

«Дискретной и эпизодичной натуралистической картине противопоставим композицию Сезанна, целостную систему соотношения объёмов» (Jakobson 1971 [1929] SW-1: 10).

Таинственность нагнетается, когда мы видим, что Шлейхера представляют во многих работах и антологиях именно как исследователя системного... например, Соссюру:

«... только он [Шлейхер] смог достичь целостного взгляда. Сегодня нас более не удовлетворяют эти взгляды, однако в них есть тенденция к обобщению и систематичности, Гораздо интереснее иметь дело с системой, нежели с набором разрозненных понятий» (Saussure: CLG, éd. critique de R.Engler, 1967-1968: 8, цит. по: Koerner 1975: 804).

Или сравним со статьёй в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (ЛЭС 1990):

«Значение научных идей и трудов Шлейхера велико: он способствовал выработке в историческом языкознании принципа системности и метода реконструкции праязыка...» (Кодухов, ЛЭС 1990: 324).

Второй проблемной сферой, которая соединяет натурализм с младограмматическим учением, является атоанизм и причинно-следственная аргументация, позволившие Jakobsonу выдвинуть свою собственную структурную и телеологическую концепцию, которая, по его мнению, соответствовала кардинальным философским течениям культурной жизни его эпохи (особенно в СССР и Чехословакии):

«Общая идея книги, написанной структуралистом Фишером, нацелена на то, чтобы показать крах философской концепции натурализма, который сводит реальность к атомистической

пыли¹ и не видит ничего, кроме отношений количества и механической причинности. Книга Энгелиша разъясняет, что каузальное изучение поведения человека является бессмысленным; что, наоборот, вместо отношений причины и результата речь идёт об отношении средства и цели, и что это отношение необходимо интерпретировать в соответствии с телеологическим методом (Jakobson 1971 SW-2: 544).

«Проблемы причинности преобладали; не принималось во внимание то, что вопрос должен стоять о цели, а не о причинах рождения слова в сознании слушающего, как непосредственной и наиболее естественной реакции» (Там же: 545).

Однако критика Якобсона отходит от привычных суждений той эпохи о натурализме, когда она касается проблемы генетических объяснений происхождения.

«... несомненно, что наиболее устойчивым элементом этой доктрины является стремление объяснять звуковые и грамматические сходства двух языков их происхождением от одного общего языка-предка и исследовать только такие сходства, которые поддаются подобного рода объяснению.

Даже у тех, кто не принимает более всерьёз упрощённую генеалогию языков, образ родословного древа [Stammbaum], как правильно замечает Шухардт, несмотря ни на что, всё ещё остаётся в силе; проблема общего наследия, обязанного единому предку, продолжает выдвигаться в качестве важнейшей предпосылки при сравнительном изучении языков. Однако эта тенденция находится в вопиющем противоречии с социологической направленностью современной лингвистики».

«... рассмотрение сходства, унаследованного от некоего общего доисторического состояния, является всего лишь одной из проблем в социальных науках, использующих компаративный метод, например, при изучении искусства, нравов и обычаев; проблема развития тенденций к новшествам берёт здесь явно верх над проблемой пережитков»² (Jakobson 1971 SW-1: 234; Якобсон 1985: 92-93).

¹ Разумеется, идеи Шлейхера нельзя понимать как сведение реальности к «атомистической пыли». Этот упрёк лучше адресовать младограмматикам. Но они как раз были против натурализма Шлейхера...

² перевод А. А. Холодовича

Якобсоновская социология базируется на понятии закономерности:

«Конвергирующее развитие, охватывающее необъятные массы индивидов на обширной территории, следует рассматривать как господствующий закон» (Там же: 235; Якобсон 1985: 93).

Так называемая «социологическая» направленность в значительной степени берёт своё начало в трудах географа П. Савицкого (1895-1968)¹, чья теория синтезировала связь между «географическим пейзажем» (ландшафтом), климатом, почвой, языком, культурой и группами крови. Такая теория имеет несомненное, хотя и никем не отмеченное, отношение к немецкой антропогеографии эпохи Ф. Ратцеля (1844-1904), бывшей в свою очередь весьма *натуралистической* (в смысле признания географического детерминизма в отношении групп людей).

Для того, чтобы поддержать положение о том, что Якобсон и Трубецкой находятся в точке наибольшего напряжения между двумя противоположными парадигмами – с одной стороны, это сложные системы, доступные через *нематериальное*, с другой стороны, это теория всеединства, унаследованная от натурфилософии и византийского неоплатонизма – я попытаюсь показать, что они строят теорию конвергенций и совпадений исходя, по моему мнению, именно из *натуралистической* модели.

Само слово *натурализм* всегда воспринимается негативно. Так, в некрологе на смерть Трубецкого Якобсон в 1939 году пишет:

«Соображения Трубецкого, твёрдо направленные против любой натуралистической концепции духовного мира (биологической или эволюционистской) и против любого сознательного эгоцентризма, наверняка коренятся в русской идейной традиции, хотя и включают оригинальные элементы, ценные своей глубиной и критической пронизательностью, которыми они обязаны богатому научному опыту их автора и сотрудничеству последнего с величайшим географом и историком цивилизаций П. Н. Савицким. Учение этих двух мыслителей, касающееся специфики географического и исторического русского (евразийского) мира по сравнению с Европой и Азией, лежало в

¹ ср. Sériot 1994: П. Савицкий стал крёстным отцом Якобсона, когда тот в 1936 году в Праге принял православие (в других источниках указывается 1938 год – прим. переводчика).

основе того, что получило название современной евразийской идеи» (Jakobson 1973 [1939]: 300-301).

И якобсоновская модель конвергенций также точно вытекает из вполне ясной биологической (антидарвиновской¹ по своей природе) и философской (философия целостности) основы.

Отметим, например, что Якобсон часто использует биологические метафоры:

Необходимо найти те центры, в которых привитая [Einimpfung] русская научная традиция, скрещивание с русскими культурными ценностями может дать продуктивные результаты. Не следует забывать того, что великие народы Запада давно уже поняли: культурное распространение языка за его границы нельзя рассматривать с безразличием по отношению к росту [Wachstum] соответствующей культуры (Jakobson 1929, цит. по: Hohenstein, 1988: 60).

С другой стороны, что может означать сей союз «русской идейной традиции» с «современной евразийской идеей»? Якобсон здесь опирается преимущественно на цитаты из русского биолога-антидарвиниста Льва Берга (ср. Sériot 1994).

«Если ортодоксальный эволюционизм учит, что “сходство в строении органов необходимо принимать во внимание лишь в том случае, если оно указывает на то, что обладатели этих органов происходят от одного и того же предка”, то в наше время исследователи придают значение сходствам вторичным – либо приобретённым вследствие конвергирующего развития организмами родственными, либо усвоенным организмами абсолютно разного происхождения. Таким образом “сходства, которые обнаруживают две формы в своей организации, могут оказаться вторичными, приобретёнными позже, а различия – первичными, унаследованными”. При этих условиях различие родственных и неродственных организмов перестает быть решающим. Конвергирующее развитие, охватывающее необъятные массы индивидов на обширной территории, следует рассматривать как господствующий закон» (Jakobson 1971 [1938] SW-1: 235; Якобсон 1985: 93).

Можно сделать первое наблюдение: Якобсона интересовали проблемы распределения (контакт, «фактор пространства» в

¹ об этом см. Sériot 1994

геолингвистике). В этом смысле он находится в русле современных ему идей, концепций Шухардта и итальянских неолингвистов. В этом отношении интересен текст «ДИАЛОГОВ» (1980), поскольку в нём впервые с момента переезда в Соединённые Штаты Якобсон возвращается к теме пространства:

«[Осло 1939] <...> Вопросы фонологической географии, в течение 30-х годов живо занимавшие работников Пражского Кружка, казалось, могли найти здесь конкретное применение. Диффузия [курсив автора статьи – прим. переводчика] фонологических явлений, широко выходящая за пределы отдельных языков и языковых семейств, и факт нередкого сходства фонологических систем у географически смежных народов, даже при полном отсутствии генетической общности их языков – всё это ставило на очередь подготовку фонологического атласа языков всего мира... (Jakobson 1987 SW-VIII: 468).

«В нашем веке лингвистика впервые всерьёз столкнулась с вопросом распространения [курсив автора статьи – прим. переводчика] фактов, характерных для языковых систем, за пределы этих языков, причём такое распространение, как оказалось, очень часто захватывает далёкие по строю и по происхождению языки, иногда ограничиваясь при этом лишь частичными их ареалами» (Там же: 505).

Тем не менее, к тексту «ДИАЛОГОВ» необходимо относиться с осторожностью. Например, термин «диффузионизм», насколько мне известно, не употреблялся Якобсоном в тридцатые годы. Может быть, это более поздняя – пятьдесят лет спустя – переформулировка идеи в более понятных для западного читателя терминах, сглаживающая наиболее острые углы «евразийской идеологии»?

Как мне кажется, этот термин вводит в заблуждение. В самом деле, в теории конвергенций Якобсона и Трубецкого в тридцатые годы отсутствуют два момента, фундаментальных для диффузионизма в том виде, в каком он известен из работ по антропологии Гребнера и Шмидта (Graebner и Schmidt): нетворческий характер человеческой природы (изобретение нельзя сделать дважды в двух различных местах, его можно только *заимствовать*) и атомистический характер фактов диффузии. Эти два аспекта полностью противоречат идее

целостности культурных единств (Трубецкой) и общности приобретённых черт (Якобсон).

Но фундаментальное отличие от диффузионистских теорий состоит в неслучайном географическом характере пространственного распределения типологических фактов (независимо от генетического происхождения).

«Поскольку изофоны, выходящие за пределы того или другого языка, представляют собой довольно частое и, как кажется, почти обычное явление в лингвистической географии, и поскольку фонологическая типология языков находится в явной связи с их распределением в пространстве, для языкознания (как исторического, так и синхронического) было бы весьма важно <...> составить атлас фонологических изоглосс для всех языков мира или по крайней мере для отдельных континентов» (Jakobson 1971 [1938] SW-1: 245; Якобсон 1985: 102-103).

Больше всего удивляет та мысль, которая находится на заднем плане всего этого комплекса размышлений о пространственных связях между языками: нельзя изучать факты системы только внутри этой системы. Здесь мы ещё раз обнаруживаем эпистемологический мир, весьма далёкий от мира Соссюра¹.

Таким образом, «русские из Праги» в тридцатые годы предложили *транссистемную* фонологию:

«... для основных принципов фонологической структуры, в частности, для различных корреляций, нехарактерно обособленное бытие, ограниченное пределами языка или языкового семейства. Типичней фонологические языковые союзы, изофоны (границы фонологических явлений) широкого захвата, нежели фонологические островки (Jakobson 1971 [1931] SW-1: 155).

Таким образом, можно сказать, что между типами языков существует неслучайная связь. Но что объясняет такую

¹ Ср. у Соссюра: «Что же порождает эту дифференциацию? Ошибочно было бы думать, что в этом виновно только пространство (досл.: *Quand on croit que c'est l'espace seul, on est victime d'une illusion* «Тот, кто думает, что в этом виновно только пространство, является жертвой иллюзий» – прим. переводчика). <...> Географические различия должны быть переведены на различия во времени» (Saussure 1967-1968: 271; Соссюр 1977: 234). Подумается, что вся четвёртая часть Курса как бы специально направлена против тезисов Якобсона.

«привязанность» определённых типов языков к другим? Этому не даётся никакого объяснения. Создаётся впечатление, что раскрытие фонологического сродства языков (преимущественно языков «Евразии» – СССР) служит достаточным основанием, чтобы подтвердить идею, прочитываемую между строк данной работы: *Евразия – природный объект, органическое целое.*

Если такие системные характеристики, как фонологические оппозиции, так легко перескакивают через границы систем, то в них должно содержаться нечто совершенно материальное, непосредственно ощущаемое *даже за пределами системы.* Таким образом, Якобсон, затрагивая союз евразийских языков (языков, объединённых такой фонологической корреляцией, как смягчение согласных), говорит о психических реакциях говорящих, которым эта фонологическая корреляция неизвестна.

«... любопытно, что представители тех языков, которым фонологическое смягчение согласных было неизвестно, испытывали по отношению к нему иной раз истинное отвращение. „Довольно распространённым, – замечает по этому поводу Хлумский [M. Chlumský], – является взгляд на смягчённые звуки как на свидетельство артикуляционной слабости. Больше того, дело доходило до того, что эту слабость готовы были перенести даже на тех, кто употребляет эти смягчённые звуки, в частности на русских. ‘О, эти бедные русские! Всё-то у них смягчено!’»². В языках Европы, соприкасающихся с «палатализирующими языками», довольно часто наблюдается палатализация³ для образования уничижительных слов⁴. Эти произносительные соотношения притяжения и отталкивания

¹ Так во французском тексте многотомника Якобсона и в оригинале статьи Серио. В именном указателе русского издания избранных работ читаем, однако: Й. Хлумский (Якобсон 1985: 452). Вероятно, всё же имеется в виду Йозеф Хлумский (1871-1939), автор работ по чешской фонетике и стихосложению, например, *ČESKÁ KVANTITA, MELODIE A PŘÍZVUK. Česká akademie věd a umění, Praha 1928* или *LES SONS MOUILLÉS ET LA THÉORIE DE L'ABBÉ ROUSSELOT: TRANSCRIPTION DES SONS MOUILLÉS. V Praze: Tiskem státní tiskárny, 1931. – прим. переводчика.*

² „Recueil des Travaux du Premier Congrès des philologues Slaves”, II, p. 542. [ссылка Якобсона – прим. переводчика]

³ точнее, *смягчение*

⁴ Ср. Machek. – In: „Fac. Phil. Univ. Carolinae Pragensis, Práce”, XXII, p. 10. ff [ссылка Якобсона – прим. переводчика].

показывают всю заразительность и стойкость данного явления (Jakobson 1971 [1938] SW-1: 242; Якобсон 1985: 100).

С одной стороны, мы имеем дело с аргументацией, основанной на весьма интуитивной психологии, в которой цитирование свидетельств используется в качестве доказательства. Важно однако то, что фонологическая корреляция здесь уже не структурное явление, а некая субстанция, ощущаемая сознанием не только говорящих, но и не-говорящих: фонема здесь является звуком. Как тогда быть с идеей *фонологической глухоты*? Откуда не-говорящие *узнают*, что данная оппозиция релевантна с фонологической точки зрения? Ведь смягчение с точки зрения фонетики не так уж редко в индоевропейских языках (артикуляционное: итал. *figlio*, исп. *cavallo*; позиционное: франц. *tiens*). Мы имеем дело с *онтологизацией* системной характеристики, воспринимая с внешней стороны системы явление, являющееся по определению внутрисистемным.

Якобсон, критикуя биологическую модель Шлейхера и его непоследовательность, предлагает анти-модель (ключевыми словами в которой становятся *конвергенция*, *телеология* и *пространственный детерминизм*), опираясь на особую биологию и особую географию, не замечая (или не позволяя заметить), что речь идёт об ином типе натурализма, о странной концепции «социальных наук», объектом которых являются сообщества, рассматриваемые как организмы, подверженные природному детерминизму.

Эта теория влияния среды (*milieu*) и наследования приобретённых черт является разновидностью нео-ламаркизма, влиятельного течения в России в 30-е гг. XX в. – здесь можно вспомнить Лысенко. Но она противостоит «механистическому лamarкизму (*mécano-lamarquisme*)» последнего в том, что организмы обладают своего рода предрасположенностью (*prédisposition*) к тому, чтобы быть сходными и, следовательно, к тому, чтобы собираться вместе.

Как бы то ни было, мне представляется необходимым подчеркнуть достаточно сильное влияние биологической модели на концепцию русских пражцев в 30-е гг. XX в. Эта концепция не может никоим образом быть сведена к формуле, согласно которой «азбучной истиной является то, что лингвистика – это социальная, а не естественная наука».

Между тем, между социальным характером языка и тем, что лингвистика является естественной наукой может и не быть противоречия. Возьмём, к примеру, труд П. Лафарга «ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК ДО И ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ» (LA LANGUE FRANÇAISE AVANT ET APRÈS LA RÉVOLUTION, 1894)¹.

П. Лафарг был марксистом, выдвинувшим социальную теорию языка: «он [язык] является самым непосредственным и характерным продуктом человеческого общества» (Лафарг 1930: 20). Язык зависит от социальной среды (*milieu social*), но эта среда рассматривается как биологическое явление.

Язык не может быть отделён от своей социальной среды так же, как растение не может быть оторвано от свойственной ему среды климатической (météorologique) (Там же: 22).

Именно биологическая аргументация позволяет Лафаргу отвергнуть языковедов своей эпохи, которые хотели сделать лингвистику автономной наукой (гипертрофируя роль этимологии, чтобы изучать смысл слов вместо того, чтобы проследить связь между языком и его средой). Но самое важное в том, что именно потому, что язык является общественным явлением (то есть, историческим и зависящим от своей среды), Лафарг прибегает к доводам биологического толка:

«Подобно живому организму, язык рождается, растёт и умирает; в продолжение своего существования он проходит ряд эволюций и революций, усваивая и отбрасывая слова, речевые комплексы и грамматические формы. Слова каждого языка, так же как клетки растения или животного, живут своей особой жизнью: их фонетика и орфография меняются беспрестанно» (Там же: 19).

Теперь можно вернуться к пониманию среды у Якобсона: дополнительная стадия рассуждений (или, скорее, набора утверждений) состоит в согласовании фактов различного порядка:

«Сопоставляя различные изофоны, образующие языковые союзы, с одной стороны, и распределение фактов грамматической

¹ Цитаты из Лафарга даются по русскому переводу Т. Фалькович и Е. Шишмарёвой под ред. В.Гоффеншефера: Лафарг, П. Язык и революция. Французский язык до и после революции. Очерки происхождения современной буржуазии. – Москва – Ленинград: Academia, 1930.

структуры, с другой стороны, мы обнаруживаем характерные пучки изоглосс, а также любопытные совпадения между границами языковых союзов, с одной стороны, и некоторыми политическими физико-географическими границами – с другой. Так, ареал палатализирующих монотонических языков совпадает с географическим целым, известным под названием „Eurasia sensu stricto” (‘Евразия в строгом смысле, собственно Евразия’), которое выделяется в европейской и азиатской области многими особенностями политического и физико-географического свойства» (Jakobson 1971 [1938] SW-1: 246; Якобсон 1985: 103-104).

Как мне представляется, в данном случае можно вполне говорить о *натуралистической концепции*, даже если этот натурализм совершенно иного типа, намного более сложный, чем натурализм Шлейхера. Последний абзац работы особенно показателен для данного способа мысли:

«Дело, однако, не в том, чтобы выводить языковое родство из внешних факторов. В настоящее время важно описать типы языкового родства и обратить внимание на совпадение этих типов с географическими ареалами различного характера без предвзятого мнения и без преждевременных обобщений, каковыми являются объяснение фонологического родства родством, смешением или экспансией языков или же языковых коллективов» (Jakobson 1971 [1938] SW-1: 246 Якобсон 1985: 104).

В данной работе Якобсона идея о том, что сходства могут получить объяснение только из внешних причин, представлена как нечто новое, как результат некоего перелома. Что же заставляет совпадать эти изолинии? По-моему, единственный возможный ответ – это «природа», рассматриваемая как некий телеологический фактор. Никакого другого объяснения не даётся, и тем более непонятно, каким образом тот факт, что лингвистика является наукой социальной, а не естественной, даст нам хоть небольшой намёк на объяснение.

Вернёмся к принципу «системы, где всё взаимообусловлено (*où tout se tient*)»: а что именно взаимообусловлено? То, что взаимообусловлено в данном случае – это факты, которые *ждут* своего объяснения...

«И всё же, столкнувшись с этим непривычным вопросом фонологического родства, лингвисты незаслуженно оставляют его на периферии своих интересов. Факты тем не менее ждут

исследования и объяснения» (Jakobson 1971 [1938] SW-1: 237 Якобсон 1985: 95).

Якобсон неоднократно критикует концепцию языка как организма. Он с опаской относится к теориям, объектом которых становятся живые организмы, под общим названием «языка науки»:

*«Фонологизация» и «дефонологизация» представляются мне более удачными терминами, нежели «дивергенция» и «конвергенция», предложенные Е. Поливановым в его превосходных статьях о дефонологизации¹ <...> Термины Е. Поливанова употребляются в научной литературе обычно в другом значении. В биологии под конвергенцией понимают приобретение различными организмами сходных черт независимо от того, родственными или неродственными являются эти организмы (ср., напр., Л. Берг, Номогенез, 1922, гл. IV). Равным образом в языкознании конвергенцией называют сходные явления в независимом развитии разных языков (ср. Meillet. *Convergence des développements linguistiques*. – In: *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 1921, p. 61 et suiv.)² (Jakobson 1971 [1938] SW-1: 205 Якобсон 1985: 119).*

Попутно заметим, что Якобсон ошибочно использует Мейе для обоснования своей теории конвергенций между неродственными организмами или системами, поскольку Мейе остаётся строго в рамках генетической семьи языков.

Вот ещё один пример необъяснённого использования опоры на биологию в работе того же периода:

Соприкосновение с традицией французских энциклопедистов, их предтеч и продолжателей было для польской науки восемнадцатого и девятнадцатого века благотворной закваской, из которой вззошли чрезвычайно оригинальные открытия и гипотезы, дождавшиеся подтверждения и обширного применения лишь в международном научном движении значительно более

¹ Ссылки, данные Якобсоном: «Из теории фонетических конвергенций» в «Сборнике Туркестанского Восточного Института в честь проф. А. Е. Шмидта», Ташкент, 1923, с. 106-115 и «ФАКТОРЫ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКА КАК ТРУДОВОГО ПРОЦЕССА» в «Учёных Записках Института языка и литературы РАН ИОН», том III, Москва, 1928, с. 20-42.

² Перевод данной работы осуществлён А. А. Холодовичем с немецкого языка.

позднего, преимущественно нынешнего времени. Сошлюсь для примера хотя бы на тесную связь биологических взглядов Ендржея Снядецкого (1768-1838) с передовой научной мыслью тогдашней Франции¹ <...> руководящая роль наследия гармонически сочетается в его важнейшем труде – *TEORYA JESTESTW ORGANICZNYCH*² (1804-1838) – с поражающей новизной авторских заключений и обобщений, вошедших в мировую науку современности и побудивших одного из её крупнейших деятелей, В. И. Вернадского (*ХИМИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ БИОСФЕРЫ ЗЕМЛИ И ЕЁ ОКРУЖЕНИЯ*, Москва, 1965), высоко оценить и по-новому использовать это “замечательное произведение по глубине мысли и последовательности”. (Jakobson SW-2: 379-380)³.

Якобсон опирается на «биологические взгляды», которые он связывает с «передовой научной мыслью тогдашней Франции», ни в малейшей степени не указывая на содержание той книги, которую обсуждает. Мы так и не узнаем, почему и в чём биология Снядецкого была в «тесной связи» с «новизной и поворотным значением <...> наблюдений, методологических начинаний и выводов [Мрозиньского] для науки о языке» (Jakobson SW-2: 379-381).

Наконец, объясняя собственную теорию конвергенции неродственных языков, Якобсон использует биологическую модель напрямую: «биологи...», «современная биология...», «современная биология, особенно русская... (Jakobson 1971 SW-1: 110). Как и у Трубецкого, наблюдаем здесь некие *первичные предрасположенности* к конвергенции, *общие тенденции* развития, то есть, выражения, свойственные теории ортогенеза, разработанной немецким биологом Теодором Эймером (1843-1898), на которую ссылается Л. Берг, столь часто цитируемый Якобсоном.

Это единение заимствования и конвергенции напоминает во многом мимирию в понимании современной биологии: «факторы сходства имелись с самого начала как у подражателя, так и у модели, и лишь нужен известный импульс для обнаружения их»

¹ У Якобсона здесь ссылка: ср. L. Szyfman, Jędrzej Śniadecki przyrodnik-filozof, Варшава, 1960.

² ТЕОРИЯ ОРГАНИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ – прим. переводчика

³ «ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИЕ БОИ ГЕНЕРАЛА МРОЗИНСКОГО: ПАМЯТКА И НАПОМИНАНИЕ».

(Берг 1922: 224). Убедительная теория биологов о том, что «мимикрия есть частный случай конвергенции, приписывать которой особое происхождение и значение нет оснований» (Там же: 229), находит свою параллель в языке. Отклонения в воспроизведении модели посредством подражания ей сводятся в истории языка к отсутствию сомнений и повторных попыток, которые практически неизбежны, когда модели нет в наличии, и которые иногда оставляют следы в языке (ср. выпадение слабых еров в украинском) (Jakobson 1971 [1929] SW-1: 107).

Якобсон говорит о «фонологических предрасположенностях», о «коллективных тенденциях», «тенденциях развития», но ни разу не даёт определения этим терминам:

«Язык воспринимает элементы чужой структуры лишь в том случае, если они соответствуют тенденциям его развития. Следовательно, внесение извне элементов чужого словаря не может быть движущей силой фонологического развития, оно является всего-навсего одним из источников, используемых для нужд этого развития (Jakobson 1971 [1938] SW-1: 241; Якобсон 1985: 99).

Себя Якобсон помещает, как мы уже увидели, в «современную науку». Однако уже у Уитни находим размышления об истории, понимаемой как открытое и нетелеологическое развитие. Это понимание прямо противостоит пониманию сторонников органицизма, которые ещё преобладали в эпоху Уитни, что приводило к тому, что жизнь языков нельзя было представить иначе, как полную реализацию заранее продуманной схемы¹. Разумеется, для Якобсона эта схема не является полностью заранее продуманной, но конвергенция неродственных организмов невозможна, если нет «общих тенденций развития». История, таким образом, не может являться открытым процессом развития, это развитие дважды ограничено: географическим детерминизмом (*средой = milieu*) и изнутри (*законами развития*)².

Если язык подвержен детерминизму всех этих факторов, возникает вопрос: что же всё-таки эволюционирует? Язык то является объектом развития, то «субъектом эволюции» (это выражение часто употребляет Трубецкой; его же повторяет и

¹ Об этом см. (Puech, Radzinski 1978: 53).

² Трубецкой называл это «логикой эволюции».

Якобсон – ср. Jakobson 1973 [1939]: 305). Получается, что «система» понимается как «сообщество говорящих»:

«Важен не сам факт заимствования – сам по себе, а его функция с точки зрения заимствующей языковой системы; существенно, что именно на данное новшество есть спрос, что оно санкционируется системой, соответствуя возможностям и нуждам её эволюции (Jakobson 1971 [1929] SW-1: 108; аналогичный русский текст см. в Jakobson 1971 [1931] SW-1: 149).

И это сообщество, обладающее «потребностями», рассматривается с точки зрения филогенеза:

«Роль отдельных инициаторов явления состоит исключительно в том, чтобы “ускорять филогению” – если воспользоваться термином современной биологии, в которой исследуются подобные процессы – иными словами, в данном случае “онтогенеза как бы предваряет филогению” (Berg, 1922, p. 49 sqq). Но даже и в этих условиях инновации могут появиться в результате чистой конвергенции (Jakobson 1971 [1929] SW-1: 108).

Тем временем, эта «современная биология» уже довольно-таки устарела: соотношение онтогенеза и филогенеза (откуда происходит «закон рекапитуляции» Геккеля¹) было отвергнуто в биологии давно, а именно, К. фон Бэр (1792-1876)² в России.

Заметим попутно, что свои доказательства Якобсон обычно основывает на аргументах типа «эти факты весьма убедительны / слишком многочисленны, чтобы быть случайными»: неслучайность рассматривается как доказательство, но в то же время именно это он и хочет показать.

¹ Закон Геккеля–Мюллера–Дарвина: индивидуальное развитие особи (онтогенез) является коротким и быстрым повторением (рекапитуляцией) важнейших этапов эволюции вида (филогенеза) – прим. переводчика по материалам БСЭ.

² Карл Максимович Бэр сформулировал закон зародышевого сходства (1828): «Эмбрионы последовательно переходят в своем развитии от общих признаков типа ко все более специальным признакам. Позднее всего развиваются признаки, указывающие на принадлежность эмбриона к определенному роду, виду, и, наконец, развитие завершается появлением характерных особенностей данной особи» – прим. переводчика по материалам «Википедии».

«... подвергнуть пересмотру сырой материал: некоторые конвергенции слишком убедительны, чтобы быть всего лишь случайными совпадениями (Jakobson 1971 [1929] SW-1: 109).

«Маловероятно, чтобы эта симметрия двух границ одного союза была бы обязана простой случайности» (Jakobson 1971 [1938] SW-1: 246; Якобсон 1985: 103).

Но при этом не предлагается никакого объяснения: самого по себе чуда обнаружения корреляции достаточно.

Рассмотрение сложных объектов как организмов – на сей раз не в метафорическом смысле – стало плодотворной темой и для другого представителя Пражского кружка, Н. С. Трубецкого. Конечно, данная мысль лучше всего представлена в его «культурологических» работах, нежели в лингвистических, но важно подчеркнуть, насколько велика доказательная сила данного способа рассуждения: то, что не органично, не является системой, а поэтому не достойно быть принятым во внимание.

Для Трубецкого нация – это организм:

«... сожительство народного и литературного языка в среде одного и того же национального организма определяется сложной сетью взаимно перекрещивающихся линий общения между людьми» (Трубецкой 1927: 55).

«Этническая общность» обладает «органической общностью»:

«Всякий национализм исходит из интенсивного ощущения личностной природы данной этнической единицы, и потому прежде всего утверждает органическое единство и своеобразие этой этнической единицы (народа, группы народов или части народа)» (Трубецкой 1927: 28).

Будучи представителями отвлеченно-западнических настроений старых поколений русской интеллигенции, эти люди¹ не хотят понять, что для существования государства необходимо прежде всего сознание органической принадлежности граждан этого государства к одному целому, к органическому единству, каковое может быть только либо этническим, либо классовым, и что поэтому при современных условиях возможно только два решения: либо диктатура пролетариата, либо сознание единства и

¹ Трубецкой здесь намекает на русских эмигрантов, мечтавших насадить в России принципы «европейской демократии».

своеобразия многонародной евразийской нации и общеевразийский национализм (Там же: 31).

По поводу допустимости заимствования культурных ценностей из-за рубежа:

«Если заимствованные ценности не противоречат общему психическому облику данного национального целого и при усвоении органически перерабатываются, то в силу естественного внутреннего взаимодействия между культурными верхами и низами снова устанавливается известная равнодействующая (Трубецкой 1921: 86-87).

«Важно только, <...> чтобы культурные заимствования органически перерабатывались и чтобы из своих и чужих элементов создавалось новое единое целое, плотно пригнанное к своеобразной национальной психике данного народа (Трубецкой 1923: 121).

Общество – это «социальный организм», постоянно приравниваемый к «национальному организму»:

«Точно так же диалектическое дробление языка и культуры настолько органически связано с самой сущностью социального организма, что попытка уничтожить национальное многообразие привела бы к культурному оскудению и гибели» (Трубецкой 1923: 108).

Для Трубецкого нет индивидов, но есть «члены социального организма», «социально-культурного организма», «национального организма» – все эти три выражения совершенно синонимичны (Трубецкой 1923: 108, 110, 111). Именно поэтому католические миссионеры занимаются бесплодной деятельностью, обращая отдельных индивидуумов: религия принадлежит к сфере национальной психики, она должна восприниматься органически целым народом:

«... чтобы христианство оказалось воспринятым органически и интимно слилось с данной национальной психикой» (Трубецкой 1923: 121).

«Органически и плодотворно воспринятым, привившимся оказывалось христианство лишь там, где оно переработало национальную культуру, не упразднив ее своеобразия» (Там же: 122).

«При таком способе миссионерства обращаются в христианство не целые народы, способные органически переработать свою национальную культуру в христианском духе, а лишь отдельные индивидуумы, которые самим фактом своего обращения отсекаются от родного национально культурного ствола и становятся агентами-сотрудниками при проведении экономических и политических замыслов иностранной державы» (Там же: 124).

Стоит ещё раз задуматься о способах аргументации и приведения доказательств: всё доказывается *природой*. Такой организм, как язык или нация, обладает *естественными* границами – слишком большой или слишком малый организм нежизнеспособны. Организмом, размеры которого *естественны*, является только Евразия (то есть, бывшая Российская империя, ставшая СССР). Онтологическим доказательством существования целостности становится её *органический характер* и *естественный размер*:

«Понимая положительные стороны национальной культуры, следует, однако, отнестись отрицательно к национальному дроблению, переходящему за известный органический предел. <...> Но наряду с этими отрицательными последствиями закон многообразия национальных культур – поскольку национально-культурное дробление не переходит известного органически необходимого предела – имеет для человечества и благотворные, положительные последствия...» (Трубецкой 1923: 112).

Таким образом, для Трубецкого, то, что греки и румыны создают себе ложную идею собственной глубинной национальной сущности (румыны «считают себя романским народом на том основании, что среди элементов, из которых создалась румынская национальность, в очень отдаленные времена был и небольшой отряд римских солдат»), а современные греки, «смесь нескольких этнических элементов, проделавших совместно с другими “балканскими” народами целый ряд общих этапов культурной эволюции» сами себя считают потомками древних греков) основано на том, что «[национальное] самопознание во всех этих случаях производится не органически» (Трубецкой 1921а: 82).

Наконец, основным становится аргумент *метафизического* толка. Последней инстанцией становится некий

трансцендентный принцип, который царит над судьбами языков и культур: законы жизни и природы – это законы Бога.

«Как все естественное, природное, вытекающее из Богом установленных законов жизни и развития, эта картина [разнообразия языков и культур – комментарий автора статьи] величественна в своей непостижимой и необъятной сложности и вместе с тем сложной гармоничности. И попытка человеческими руками разрушить ее заменить естественное органическое единство живых ярко индивидуальных культур механическим единством безличной общечеловеческой культуры, не оставляющей места проявлениям индивидуальности и убогой в своей абстрактной отвлеченности, явно противоестественно, богопротивна и кощунственна»¹ (Трубецкой 1923: 119).

Теперь можно расширить мою гипотезу о натуралистических истоках русско-пражского структурализма. Если обратить внимание на постоянно используемые оппозитивные пары, типа «механический / органический», «индивидуум / член национального организма», – трудно не вспомнить антипросветительский дискурс – то, что по-английски называют *the Counter-Enlightenment*, ср. (Berlin 1977), а именно, социальный консерватизм католического контрреволюционного легитимизма во Франции. Можно сослаться, например, на «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕЧЕРА (LES SOIRÉES DE SAINT-PÉTERSBOURG)»² Жозефа де Местра, «ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (RECHERCHES PHILOSOPHIQUES)»³ Луи де Бональда, «ЭССЕ О РАВНОДУШИИ В ВОПРОСАХ ВЕРЫ (ESSAI SUR L'INDIFFÉRENCE EN MATIÈRE DE RELIGION)»⁴ Ламеннэ. Эти тексты объединяет противостояние

¹ Эта работа Трубецкого 1923 года направлена не против национальной политики большевиков, а против Запада (названного «романо-германцами»), который пытается навязать свои культурные ценности всему миру и, в частности, России.

² Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера. СПб, 1998. 732 с.

³ Философские исследования (Recherches philosophiques, 1818), автор Louis-Gabriel-Ambroise de Bonald (1754 – 1840) – французский философ, родоначальник традиционализма, активный политический деятель периода Реставрации – *прим. переводчика* по материалам «ВИКИПЕДИИ».

⁴ Hugues-Félicité Robert de Lamennais (1782 – 1854) – французский философ и публицист, аббат, один из основоположников христианского социализма – *прим. переводчика* по материалам «ВИКИПЕДИИ».

конвенционалистскому взгляду в вопросах языка (в стиле Локка или Кондильяка), и любому посредничеству в социальном договоре¹.

Такие «ультрас», как Л. де Бональд и Ж. де Местр настаивают на том, что общество являет собой *органическую целостность*, а всякий, кто выступает против него, рискует разрушить всё общество целиком. Они защищают, таким образом, традиционные ценности и иерархии от воздействия наследия века Просвещения, либерального индивидуализма и философии общественного договора.

Нет никаких свидетельств тому, что Якобсон полностью прочитал «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕЧЕРА». Он цитирует постоянно лишь одну фразу оттуда: «Не будем говорить ни о случайности, ни о произвольных знаках». Но он цитирует её с постоянством – регулярно в тридцатые годы, а потом возвращается к ней в конце жизненного пути в «БЕСЕДАХ» (Jakobson SW-8: 470-471). Он связывает два важных аспекта этого подхода в своей критике произвольности (*l'arbitraire*) знака (Ж. де Местр направлял свою критику против Кондильяка, Якобсон же нацелен против Соссюра) и в отказе от случайности ради исторического детерминизма.

Что касается Трубецкого, то он практически никогда не цитирует своих источников. Возможно, он никогда и не читал вышеупомянутых текстов. Но можно говорить о некоем *течении мысли*, которое имеет вполне чёткую историю. В России, оно вытекает из славянофильских взглядов и «правого» прочтения Гегеля. Разумеется, усматривать у Трубецкого принадлежность к течению мысли, которое напоминает католическую контрреволюционную реакцию во Франции – парадокс, особенно если знать, насколько для Трубецкого православие и католицизм являются двумя непримиримыми мирами. Но на деле, границы «течений мысли» могут стираться. Здесь не идёт речь об истории национальных культур. Важным является то, что различия эти не поверхностны, не касаются лишь наименований и деклараций. Они связаны с темами размышлений, со способом аргументации, с построением системы аргументов «за» и «против».

¹ Об этом см. (Eco 1994: 136-137; Коутé, 1971; Berlin, 1992).

Следует избегать проблематики «влияния» X на Y: даже если Якобсон и Трубецкой и не читали никогда Л. де Бональда, они наверняка читали тех, кто их читал, или тех, кто погружался в то же самое течение мысли, или тех, кто тем или иным путём приходил к той же самой тематике.

Другим источником вдохновения русских прагматов явились Шеллинг и немецкая натурфилософия. В отличие от Франции, культурный мир России никогда не прерывал связи с этой особенностью немецкой культуры, в то время как во Франции под влиянием позитивизма уважение к этому течению было подорвано.

Возьмём в качестве одного только примера представление о превосходстве синтетической науки над аналитической, что являлось одной из центральных идей натурфилософии, течения мысли, считавшего успехом научных исследований возможность продемонстрировать *единство* и *всеобщность* описываемых явлений¹.

«Русист изучал русский язык только в контексте славянских языков, но отнюдь не в контексте языков России. Оставались в тени проблемы конвергентного развития и многообразного взаимодействия языков России, т.е. именно тот круг вопросов, который призван ввести языкознание в круг синтетических руссиеведческих дисциплин» (Jakobson 1971 [1931] SW-1: 148).

Трубецкой, во введении в свой сборник «VORLESUNGEN ÜBER DIE ALTRUSSISCHE LITERATUR (ЛЕКЦИИ О ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)»², также проводит фундаментальное разделение между цивилизациями с «аналитической» доминантой и цивилизациями с «синтетической» доминантой. В первых из них преобладает автономия, разделение различных сфер культуры (религии, этики, права, науки, философии, искусства), во вторых же все эти сферы взаимно проницаемы и действуют в тесной взаимосвязи. Для Трубецкого, Византия и Древняя Русь являлись совершенными примерами «синтетических» культур, в которых

¹ Ср. знаменитую формулу Лессинга: "Ev καὶ Πᾶν «Единое и Всё» (всеединство).

² Посмертное издание 1973 года, английская версия была опубликована в 1954 году.

эстетическое и религиозное соединяют систему культуры в целостность (Troubetzkoу 1973: 8-13.).

Натурфилософия воспринимала мир в его целостности, отвергая дробление знания, характерное для эмпиризма эпохи Просвещения. В её онтологические ориентиры не входила механистическая революция, которая привела к разъединению и разбросанности знания. Натурфилософы, в качестве реакции на аналитический разум XVIII столетия, пытались восстановить утраченное единство, вновь обрести цельное понимание мира (в двадцатые годы сказали бы: «холистическое»). Гёте не примыкал ко всем постулатам натурфилософии, но его работы также явно отражают дух того времени, например, в следующем заявлении (по поводу научного познания):

«Перед любым явлением природы, в особенности же перед значительным и выдающимся, не следует замирать в неподвижности, не нужно держаться за него, прилепиться к нему, рассматривать его изолированно. Нужно окинуть взором всю природу: не найдется ли в ней чего-то похожего, родственного? Ибо только через сопоставление родственного постепенно возникает целостность, которая говорит сама за себя и не нуждается в дальнейших объяснениях» (Гёте 2012: 129)¹.

Отметим наконец, что именно начиная с натурфилософии получают свою формулировку фундаментальные холистические положения, касающиеся изучения органических целостностей. В них можно найти критику механистически-аналитического метода, характерного для физических и химических наук: этот метод становится неподходящим, когда его пытаются применять к изучению таких целостностей, как биологические организмы. И эта критика приводит к мысли о том, что целое больше, чем сумма своих частей (классический пример: мелодия не сводится к сумме нот, из которых она состоит).

2. Структура или целостность?

В качестве завершения, сформулируем следующий тезис: в структурализме Якобсона и Трубецкого наличествует фундаментальная онтологическая составляющая.

¹ Месяц, С. В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (Часть первая). – М.: Кругъ, 2012. – xxxii + 464 с.

Обратимся, например, к тексту, который можно считать одним из манифестов структурализма:

«Если бы мы хотели кратко охарактеризовать ведущую идею сегодняшней науки в ее самых различных проявлениях, мы не нашли бы более подходящего обозначения, чем структурализм. Каждый комплекс явлений, которым занимается современная наука, рассматривается не как механический конгломерат, а как структурное целое, как система, и главная задача – открыть его внутренние законы, законы статики и развития. Не внешний импульс, а внутренние предпосылки развития, не генезис в его механическом понимании, а функция находится в центре сегодняшних научных интересов (Jakobson 1973 [1929] ELG-2: 9)¹.

Отметим особо выражение «каждый комплекс явлений» – «комплексы явлений» являются исходными данными, на основе которых следует затем изучать «внутренние законы» и «внутренние предпосылки развития». Здесь идёт речь не о точке зрения, здесь не найти рассуждений о способе образования объекта науки.

Вот ещё один пример, взятый из некролога на смерть Трубецкого, написанного Якобсоном. В этом тексте реальностью является структурированное целое:

«Трубецкой понимал, что этот дух системности и обобщения был весьма характерен для всех первых достижений русской науки и определяющим для его собственного творчества. Он обладал редким, чрезвычайно важным для него качеством обнаруживать систему во всём наблюдаемом <...> Он постоянно нацеливал свою удивительную память на системность, факты собирались в схемы, которые в свою очередь выстраивались в хорошо организованные классы. Для него не было ничего более чуждого или ничего более недопустимого, чем механический список. Его никогда не оставляла мысль о некоей внутренней, органической связи между отдельными элементами, и система никогда не оставалась подвешенной в воздухе, оторванной от других данных. Напротив, реальность в целом представлялась ему системой систем, грандиозным иерархическим единством многочисленных согласований, чьё строение приковывало его внимание вплоть до последних дней жизни. Он был внутренне предрасположен к

¹ Перевод взят из статьи: Малевич, О. М. Роман Якобсон по-чешски // Русская литература. – 2007. – № 1. – С. 104-117 (С. 107).

целостному восприятию мира, и сам раскрылся в полной мере только лишь в структуральной науке» (Там же: 298¹).

Очевидно, что холистическую идею можно понимать двояко:

1) только лишь отношение позволяет обнаруживать сущности, но эти сущности «существуют» как научные объекты, а не как эмпирические предметы;

либо

2) элементы некой целостности связаны друг с другом, как органы одного организма, которые «существуют» физически, но постижимы только в рамках их роли в жизненной экономии организма.

Первая из этих концепций – сосюрская: система – это конструктор, выполняющий роль точки зрения. Вторая принадлежит Пражскому лингвистическому кружку: для Якобсона и Трубецкого системно организована именно реальность (мир систем). Поэтому я предлагаю называть их научную школу *онтологическим структурализмом* (разумеется, никак не физикалистским, а онтологическим).

Мильнер продемонстрировал, насколько Якобсон – в противовес критериям научности в «нашей традиции» (разделить, исключить, различить) – берёт всё: «для него мысль должна руководствоваться изобилием и включением» (Milner 1982: 334).

То есть, в мире Якобсона и Трубецкого всё взаимосвязано, отдельные системы не автономны. Эти системы разделены в горизонтальной плоскости (языки Евразии в структурном отношении полностью отличаются от языков Западной Европы), но взаимосвязаны вертикально (почва, климат, культура, ментальность, языки, религия перекликаются и сходятся („*convergent*“). Напротив, в сосюрском мире язык как система арбитральных знаков с необходимостью обладает автономией (в этом состоит принцип значимости, *valeur*).

Можно сказать, что Сосюр принципиально антисубстанциалистичен: понятие значимости, отрицательное

¹ Опубликовано в Lidové noviny. 29.6.1938 (streda, ráno). S. 2. См. также: Jakobson, R. Nikolaj Trubeckoj zemřel: geniální slavista // Selected Writings. IX. Completion Volume 2. Part 2. – Berlin: de Gruyter; Mouton, 2014. – С. 322-324.

определение единиц приводит к тому, что позднее станет понятием *модели*. Соссюрианский язык – это абстрактный, потенциальный, виртуальный объект, созданный из оппозитивных отношений.

Трубецкой и Якобсон, напротив, признают *существование* явлений, предшествующих исследованию¹. Идея всеобщей взаимосвязи ближе к идее Единого и Всего, чем к идее значимости (*valeur*).

Для примера возьмём постоянный упрёк Соссюру со стороны прагматов: строгое разграничение синхронии и диахронии. Их основной аргумент состоит в том, что «синхрония не существует».

Но Т. де Мауро ясно показал, что любое онтологическое размышление о понятии языка у Соссюра не имеет смысла, если пытаться «обойти» эту оппозицию:

Обычно считают, что по Соссюру различие находится in re: у объекта «язык» есть как синхрония, так и диахрония, как у г-на Дюрана есть шляпа и пара перчаток (De Mauro, 1979, p. 452).

Для Соссюра язык – это объект-конструкт, *точка зрения*. Для русских прагматов язык – что-то вроде коллективной нормы, в которой есть консервирующие тенденции и инновации, благодаря сожительству многих поколений говорящих, это «ансамбль явлений», имеющий структурный характер, то есть, эти явления взаимосвязаны, а ансамбль в целом сам также связан с другими единствами. Перед нами – полное непонимание: разговор идёт о разных вещах. Можно сказать, что у прагматов преобладает *реализм* во взглядах на язык, в то время как у Соссюра – *номинализм*: точка зрения создаёт объект. Для Якобсона и Трубецкого структура имманентна порядку вещей, для Соссюра она принадлежит только лишь объекту-конструкту, языку (*langue*). Теперь становится понятным, почему противопоставление язык / речь (*langue / parole*) для пражского кружка не имеет смысла (за важным исключением одной-единственной фразы из «ОСНОВ ФОНОЛОГИИ» Трубецкого).

¹ Различие между объектом познания и реальным объектом относится к терминологии Альтюссера, неподходящей для обсуждаемого нами временного периода. Но это принципиальное различие, которое идеально встраивается в рамки данного обсуждения.

По Соссюру, именно точка зрения создаёт структурированный объект, в то время как для прагматов структура дана изначально, как свойство реального объекта.

По Соссюру, язык – это система, сконструированная лингвистом (эмпирическая реальность неуловима в своей целостности), для Якобсона и Трубецкого язык – это онтологически структурированный объект, образующий целостность, который ждёт своего открытия лингвистом. Бенвенист полностью находится в рамках учения Соссюра, когда заявляет:

«Мы думаем, что можем постичь языковой факт непосредственно, каак некую объективную реальность. На самом же деле мы постигаем его лишь на основе некоторой точки зрения, которую прежде надо определить. Мы должны перестать видеть в языке простой объект, который существует сам по себе и который можно охватить сразу целиком. Первая задача – показать лингвисту, “что он делает”, какие предварительные операции он бессознательно производит, когда приступает к рассмотрению языковых данных»¹ (Бенвенист 1974: 53).

Этот философский спор напоминает разговор глухих: для прагматов синхрония не существует. Но Соссюр никогда не говорил, что она существует: она необходима для анализа, который приводит к теории значимости (*valeur*)².

«... язык есть система чистых значимостей, определяемая исключительно наличным состоянием входящих в неё элементов» (Соссюр 1977: 113).

Именно точка зрения определяет объект познания. Тем самым вопрос «сколько фонем в русском языке» с точки зрения онтологии не имеет смысла. Можно до бесконечности спорить – 36 или 37, отталкиваясь от того, представляет ли то, что пишется как «ц», одну фонему или две. Проблема не в том, чтобы проводить наблюдения более тщательно, как наблюдают звёзды через всё более совершенные телескопы. Ответ состоит не в том, что в эмпирической реальности нужно обнаружить нечто, а в том, насколько модель способна учесть наблюдаемые результаты.

¹ Перевод Ю. Н. Караулова.

² Об этой дискуссии см. J. Fontaine, 1974, pp. 63-67.

Это различие между пражским и женевским структурализмом довольно плохо известно во франкоязычном мире. Так, энциклопедический философский словарь (DICTIONNAIRE DES NOTIONS PHILOSOPHIQUES, ENCYCLOPÉDIE PHILOSOPHIQUE UNIVERSELLE, PUF, 1989) говорит о «первых структуралистах», как если бы речь шла об однородной группе:

«Задачей лингвиста, таким образом, является конструирование своего объекта; более того, в языке нет ничего вещественного: субстанция – звучащая или графическая – служит только лишь проявлению языка, который является “формой”, расчленением субстанции, в которой знаки и минимальные единицы являются тем, чем не являются другие. Чтобы уловить их в игре оппозиций и различий, которую представляет собой язык, возможен только имманентный метод, что означает следующее: после того, как структуралист определил свой объект (установил корпус, отличаемый уровнями, для которых справедливы его понятия), он запрещает себе для понимания структуры этого объекта обращаться ко внешней для него субстанции, например, к Богу, природе, народу, истории (и её смыслу), автору... Весь объект и ничего, кроме объекта – вот какова цель, которую поставили себе первые структуралисты; здесь же содержится и источник обвинения в “замкнутости”, частично обоснованного, которое им адресовалось» (Encyclopédie 1989: 2470)¹.

Теперь становится понятным, почему Трубецкой раздражался, когда его принимали за продолжателя идей Соссюра; он в этом случае говорил: *«Это несколько вредит нам»*² (Трубецкой 2004: 299).

Заключение

История структурализма довольно сложна (разрыв или перелом намного менее чётко, нежели его представляли сторонники этого течения). Кроме того, в некоторых структуралистических школах, как в случае с русскими пражцами, наблюдаются остатки прежней эпистемы. Подумаем о том, что говорит Якобсон о Трубецком в некрологе: «в душе он был

¹ статья о структурализме

² Из письма Якобсону в мае 1934 года.

историком». Поразительно, как мало исследователей на Западе принимали во внимание это заявление.

Произошла ли в случае Пражского лингвистического кружка «смена парадигмы»?

Парадигма для Куна есть «система представлений (*beliefs*)», которая позволяет научному сообществу функционировать. Речь идёт о переходном, временном феномене: как только истощается её интеллектуальный потенциал, она отступает под напором открытий, новых фактов, которые ей уже не удаётся объяснить, хотя она и способствовала их открытию.

Теория парадигм в таком изложении плохо подходит для объяснения истории лингвистических идей. С одной стороны, полностью различные парадигмы довольно долго могут сосуществовать, при этом ни одной из них не удаётся перевести другие в разряд полностью устаревших. Возможно взаимное неведение, но не полное опровержение.

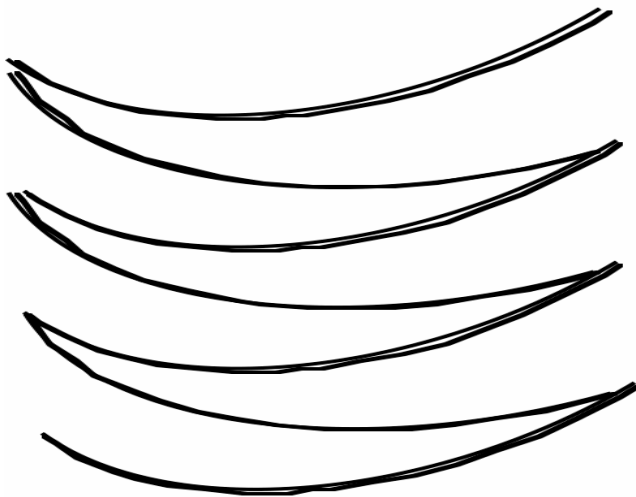
С другой стороны, парадигмы или школы, или течения, тенденции... могут принимать в себя части других парадигм, по-другому интерпретируя их, используя их каким-то иным образом.

Именно это, по моему мнению, и произошло с пражским структурализмом. Для критики предшествующей парадигмы ему понадобилось обратиться к ещё более старой парадигме, к натурфилософии, иначе говоря, к нео-платонизму (философия Всего сущего) с целью обоснования идеи структуры. Якобсон и Трубецкой прибегают к натуралистическому подходу, чтобы обосновать «социальную» науку, утверждая прямо противоположное.

Якобсон и Трубецкой не принадлежат ни к натурфилософам, ни тем более к католическим легитимистам. Но они опираются на подход, соотносящийся с философскими и идеологическими течениями, чья история отмечена явным противостоянием духу Просвещения и определённым научным трудам в сфере биологии. Таким особым образом они включаются в течение структурализма, рискуя (иногда осознанно) вызвать недопонимание, ложное единодушие, ложные союзы. И всё же важно то, что эта беспокойная история недопониманий привела к изобретению фонологии, которая, несмотря на противоречивость своих истоков, начала работать и привлекла на свою сторону

исследователей с совершенно различной «идеологической» ориентацией.

Если будем определять период, предшествовавший пражскому структурализму, его «период инкубации» в рамках идей первой трети XIX века, то будет невозможно полностью установить преемственность с кем-либо – такова позиция в работе (Percival, 1969). С трудом пригодна и модель «эпистемологического разлома», включающая этапы «до» и «после» при невозможности возврата к предыдущему этапу. Следует поискать модель ближе к теории «катастроф» Р. Тома или «кулачковому механизму» (*la came*) А. Кюльоли. Предложим модель «маятника», возвратно-поступательного механизма, у которого точка крепления сама по себе также подвижна: каждое возвратное движение механизма возвращает его в точку отправления, но на более высоком уровне:

Здесь скорее следует говорить не о резких отсекающих движениях, а о движениях поступательных и возвратных, и, в особенности, о постоянных преобразованиях. Нельзя сказать, что тем самым мы вновь призываем на помощь эпистемологию в стиле Башляра, скорее, мы используем более сложный её вариант, продвигая поле зрения исследователя в сторону «долгосрочной перспективы», «длинного времени».

В этой перспективе Якобсона и Трубецкого, каждого по-своему, следует рассматривать как промежуточное звено долгого

преобразования парадигмы органицизма в парадигму структурализма; звено, являющее блеск интуиции и увязнувшее если уж не в субстанционализме, то, по крайней мере, в натурализме и биологизме. Их видение глобальных систем – этап противоречивый, не без колебаний на пути к тому, что Э. Морен бо лет спустя назовёт «сложным¹ мышлением (*la pensée complexe*)²». Но чрезмерный детерминизм мешает им рассматривать сложное как открытую систему. Они имеют дело с закрытой совокупностью. Но комплексность не то же самое, что совокупность. Они предполагали, что реальность имеет комплексный характер («всё взаимосвязано»), но идея эта была настолько нова и смела, что им оставалось опираться только на существующие, хотя и дискредитированные теории (натурфилософия), которые приводили к понятию онтологической, но не методологической простоты (понятие гармонии и равновесия) систем. У них обнаруживается смешение различных форм научной рациональности и традиционных представлений, метафизических понятий, поиска нематериальных сущностей и онтологических исканий. В их концепции сосуществуют, сожительствуют две парадигмы: нематериальная (реляционная, оппозитивная значимость) и онтологическая, природная (связанная с понятиями предопределённости, телеологии, внутренней логики). Для Якобсона и Трубецкого язык – это субъект. Они одновременно и позади (органицизм), и на переднем крае (фонология как наука о нематериальном). Их определение единиц отличается наличием постоянного напряжения между субстанциализмом и нематериалистичностью. Но для них язык никогда не становится конструктом исследователя, точкой зрения; язык никогда не противопоставляется речи, как объект познания реальному объекту.

¹ непрямолинейным – прим. автора статьи

² Эдгар Морен (фр. *Edgar Morin*, собственно Эдгар Наум, фр. *Edgar Naoum*, 8 июля 1921, Париж) – французский философ и социолог. В разных изданиях *complexe* переводится и как «сложное», и как «комплексное». Однако «комплексное мышление» является ещё и термином из концепции Л. С. Выготского, что может создать ситуацию недопонимания – прим. переводчика.

Утверждение Jakobsona, что новая наука должна носить имя структурализма, следует понимать не в смысле Соссюра, а с точки зрения иного подхода, который мы могли бы назвать онтологическим структурализмом. Но и нам, в свою очередь, не следует создавать непреодолимых границ. Эти два столь различных понимания структуры – у прагцев и у Женевской школы – имели между собой достаточно много общего, что позволило, например, А. Мартине плодотворно соединить их в единой концепции.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – Москва: Наука, 1965. – 527 с.

Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – Москва: Прогресс, 1974. – 448 с.

Берг, Л. С. Номогенез, или эволюция на основе закономерностей / Труды Географического Института. Том 1. – Петербург: Государственное издательство, 1922.

Лафарг П. Язык и революция. Французский язык до и после революции. Очерки происхождения современной буржуазии / Пер. Т. Фалькович и Е. Шишмарёвой под ред. В. Гоффеншефера. – Москва – Ленинград: Academia, 1930.

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Письма и заметки Н. С. Трубецкого / под ред. Р. Jakobsona. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

Соссюр, Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – Москва: Прогресс, 1990. – 280 с.

Томан, Й. Определяющие образы мышления Н. С. Трубецкого // Вестник МГУ. – 1992. – Серия 9. – №5. – С. 13-36.

Трубецкой, Н. С. Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Исход к Востоку. – София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. – С. 86-103.

Трубецкой, Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. – 1923. – № 3. – С. 107-124.

Трубецкой, Н. С. К проблеме русского самопознания. Сборник статей. – Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. – С. 54-94.

Трубецкой, Н. С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. – София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. – С. 71-85.

Трубецкой, Н. С. Общевразийский национализм // Евразийская хроника. – 1927. – № 9. – С. 24-31.

Трубецкой, Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // К проблеме русского самопознания: Сборник статей. – Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. – С. 54-94.

Якобсон Р.О. Лингвистика в её отношении к другим наукам // Якобсон Р. О. Избранные работы. – Москва: Прогресс, 1985. – С. 369-421.

Benveniste, E. Problèmes de linguistique générale. – Т.1. – Paris: Gallimard, 1966. – 356 p.

Berlin, I. Counter-enlightenment // Dictionary of the history of ideas. – Vol. 2. – New-York: Scribner, 1977. – P. 100-112.

Berlin, I. Joseph de Maistre and the origins of fascism. // The Crooked Timber of Humanity. – New York: Vintage books, 1992. – P. 91-174.

Brøndal, V. Structure et variabilité des systèmes morphologiques // Scientia. – Août, 1935.

Cassirer, E. Structuralism in Modern Linguistics. // Word. – 1945. – Vol. I, № 2. – P. 99-120.

Ducrot, O. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage / O. Ducrot, T. Todorov. – Paris: Seuil, 1972. – 469 p.

Eco, U. La recherche de la langue parfaite dans la culture européenne. – Paris: Seuil, 1994. – 436 p.

Flahault, F. La parole intermédiaire. – Paris: Seuil, 1984. – 233 p.

Fontaine, J. Le Cercle de Prague. – Paris: Mame, 1974. – 183 p.

Gasparov, B. The Ideological Principles of Prague School Phonology // Pomorska K: et al. (Ed.). Language, poetry and poetics: the generation of the 1890s: Jakobson, Trubetskoy, Majakovskij: proceedings of the first Jakobson Coll. MIT. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 1987. – P. 49-78.

Goethe, J. W. von. Zur Farbenlehre // Die Schriften zur Naturwissenschaft. Abteilung II, Bd. IV. – Weimar, 1973.

Gusdorf, G. Le romantisme. Vol. 2. – Paris: Payot, 1993.

Hewson, J. Un système où tout se tient: Origin and evolution of the idea // History and Historiography of Linguistics: 4th Intl. Conference on the History of the Language Sciences (ICHOLS 4), Trier / Ed. by K. Koerner, H.-J. Niederehe. Vol. 2. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1990. – P. 787-794.

Holenstein, E. Die russische ideologische Tradition und die deutsche Romantik // Das Erbe Hegels / Ed. by R. Jakobson, H.-G. Gadamer, E. Holenstein. – Frankfurt a/M: Suhrkamp, 1984. – P. 21-135.

Holenstein, E. Jakobson's philosophical background // Language, poetry and poetics: the generation of the 1890s: Jakobson, Trubetskoy, Majakovskij: proceedings of the first Jakobson Coll. MIT / Ed. by K. Pomorska et al. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1987. – P. 15-31.

Holenstein, E. R. Jakobson. Semiotik. Ausgewählte Texte 1919-1982. – Frankfurt a/M: Suhrkamp, 1988.

Ivic, M. Trends in Linguistics. – Paris, The Hague: Mouton, 1970.

Jakobson, R. *La scuola linguistica di Praga*. // *Selected Writings*. Vol.2. – Paris, The Hague, 197. – P. 539-546.

Jakobson, R. *Antoine Meillet zum Gedächtnis* // *Selected Writings*. Vol. II. Paris, The Hague: Mouton, 1971. – P.497-500.

Jakobson, R. *Efforts towards a Means-Ends Model of Language in Interwar Continental Linguistics* // C. Mohrmann, F. Norman, A. Sommerfelt (Eds.). *Trends in Modern Linguistics*. – Utrecht; Antwerp: Spectrum, 1963. – P. 104-108.

Jakobson, R. *Essais de linguistique générale*. – Vol.2. – *Rapports internes et externes du langage*. – Paris: Minuit, 1973.

Jakobson, R. *Nikolaj Trubeckoj zemřel: geniální slavista* // *Selected Writings*. – Volume IX, 2. *Completion, Volume 2/Part 2*. – Paris, The Hague: Mouton De Gruyter, 2014. – P. 322-324.

Jakobson, R. *Principes de phonologie historique* // R. Jakobson. *Selected Writings*. Vol. 1. – P. 202-220.

Jakobson, R. *Recherche d'un modèle des moyens et des fins dans la linguistique européenne de l'entre-deux-guerres* // R. Jakobson. *Essais de linguistique générale*. – Paris: Minuit, 1973. – P. 312-317.

Jakobson, R. *Relations entre la science du langage et les autres sciences* // R. Jakobson. *Essais de linguistique générale*. Vol. 2. – Paris: Minuit, 1973. – P. 9-76.

Jakobson, R. *Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves* // R. Jakobson. *Selected Writings*. Vol. 1. – P. 7-116.

Jakobson, R. *Romantické všeslovanství – nová slavistika* // *Čin* 1:1. Oct. 31, 1929. – P. 10-12.

Jakobson, R. *Selected Writings*. Vol.1. 2nd Edition. – The Hague; Paris: Mouton, 1971. – Civ + 775 p.

Jakobson, R. *Selected Writings*. Vol.2. – The Hague; Paris: Mouton, 1971. – 832 p.

Jakobson, R. *Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues* *Selected Writings*. Vol.1. 2nd Edition. – The Hague, Paris: Mouton, 1971. – Pp. 234-246.

Jakobson, R. *Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik* // *Slavische Rundschau*, 1929. – No.1. – P. 629-646 (Prague), также в: *Holenstein*, 1988, p. 50-70.

Koerner, E. F. *Konrad. European Structuralism: Early Beginnings* // *Current Trends in Linguistics*. – No. 13:2. – The Hague: Mouton, 1975. – Pp. 717-827.

Koyre, A. *Louis de Bonald* // *Etudes d'histoire de la pensée philosophique*. – Paris: Gallimard, 1971. – Pp. 126-145.

Kuhn, T. *The Structure of Scientific Revolutions*. – Chicago: University of Chicago Press, 1962.

Lafargue, P. La langue française avant et après la Révolution // Calvet L.-J. (Ed.). *Marxisme et linguistique*. – Paris: Payot, 1977. – Pp. 79-144.

Linguistics in Its Relation to Other Sciences // *Main trends of research in the social and human sciences. Part one: Social sciences*. Paris; The Hague: Mouton, 1970. – P. 419-463.

Malldier, D. Discours et idéologie : quelques bases pour une recherche / D. Malldier, C. Normand, R. Robin // *Langue française*. – 1972. – No. 15.

Mańczak, W. *Z zagadnień językoznawstwa ogólnego* – Warszawa: Ossolineum, 1970. – 321 p.

Meillet, A., *Convergence des développements linguistiques // Linguistique historique et linguistique générale*. – Paris: Champion, 1921.

Milner, J.-C. *A Roman Jakobson, ou le bonheur par la symétrie // Ordres et raisons de langue*. – Paris: Seuil, 1982. – P. 329-337.

Peeters, B. Encore une fois 'où tout se tient' // *Historiographia linguistica*. – 1990. – XVII. – Pp. 427-436.

Percival, K. Nineteenth-century origins of twentieth-century structuralism // *Papers from the Vth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, 1969*. – P. 416-420.

Puech, C. La langue comme fait social : fonction d'une évidence / C. Puech, A. Radzyski // *Langages*. – 1978. – No. 49. – Pp. 46-65.

Saussure, F. *Cours de linguistique générale / Ed. critique par R. Engler*. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1967-1968.

Sériot, P. Aux sources du structuralisme : une controverse biologique en Russie // *Etudes de Lettres*. – 1994. – Janvier-mars. – Pp. 89-103.

Sériot, P. La double vie de Trubetzkoy, ou la clôture des systèmes // *Le Gré des langues*. – 1993. – No. 5. – Pp. 88-115.

Sound, Sign and Meaning: Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle / Ed. by L. Matejka. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1978.

Steiner, P. The Conceptual Basis of Prague Structuralism // *Sound, Sign and Meaning: Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle / Ed. by L. Matejka*. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1978. – Pp. 351-385.

Toman, J. The Ecological Connection : a Note on Geography and the Prague School // *Lingua e stile*. – 1981. – No.16. – Pp. 271-282.

Trubetzkoy, N. *Letters and Notes*. 2nd ed. / Ed. by R. Jakobson. – Berlin; New York; Amsterdam: Mouton, 1985.

Trubetzkoy, N. *Principes de phonologie*. – Paris: Klincksieck, 1986.

Trubetzkoy, N. *Introduction to the History of Old Russian Literature // Harvard Slavic Studies, 1954. Vol. II*. – P. 91-103.

Trubetzkoy, N. *Vorlesungen über die altrussische Literatur // Ed. by R. Picchio – Firenze: Studia historica et philologica (Sectio slavica), 1973*. – 167 p.

Viel, M. La notion de marque chez Trubetzkoy et Jakobson. Un épisode de la pensée structural. – Paris, Didier-Erudition, 1984.

REFERENCES

- Bakhtin, M.M. (1965). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekovija i Renessansa* [François Rabelais's Works and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Nauka.
- Benveniste, E. (1966). *Problèmes de linguistique générale*. T.1, Paris: Gallimard.
- Benveniste, E. (1974). *Obshchaja lingvistika*. [General Linguistics]. Moscow: Progress.
- Berg, L. (1922). Nomogenez, ili evolutsija na osnove zakonomernoostej. [Nomogenesis or Evolution based on Objective Laws]. In *Trudy Geograficheskogo instituta* [Proceedings of the Institute of Geography]. Vol. 1. Petrograd: Gosudarstvennoje izdatel'stvo.
- Berlin Isaiah, 1992 : «Joseph de Maistre and the origins of fascism», in *The Crooked Timber of Humanity*, New York, Vintage books, p. 91-174.
- Berlin, I. (1977). Counter-enlightenment. In *Dictionary of the history of ideas*. Vol. 2. New-York, Scribner. Pp. 100-112.
- Brøndal, V. (1935). Structure et variabilité des systèmes morphologiques. In *Scientia*. Août.
- Cassirer, E. (1945). Structuralism in Modern Linguistics. In *Word*. Vol. I, No. 2. Pp. 99-120.
- Ducrot, O., Todorov, T. (1972). *Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage*. Paris: Seuil.
- Eco, U. (1994). La recherche de la langue parfaite dans la culture européenne. Paris: Seuil.
- Flahault, F. (1984). *La parole intermédiaire*. Paris, Seuil.
- Fontaine, J. (1974). *Le Cercle de Prague*. Paris: Mame.
- Gasparov, B. (1987). The Ideological Principles of Prague School Phonology. In Pomorska K: et al. (Ed.). Language, poetry and poetics : the generation of the 1890s: Jakobson, Trubetskoy, Majakovskij : proceedings of the first Jakobson Coll. MIT. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. Pp. 49-78.
- Goethe, J. W. von. Zur Farbenlehre. In *Die Schriften zur Naturwissenschaft*. Abteilung II, Bd. IV. Weimar, 1973.
- Gusdorf, G. (1993) *Le romantisme*. Vol. 2. Paris: Payot.
- Hewson, J. (1990). Un système où tout se tient: Origin and evolution of the idea. In K. Koerner, H.-J. Niederehe (eds.). *History and Historiography of Linguistics: 4th Intl. Conference on the History of the Language Sciences (ICHOLS 4)*, Trier. Vol. 2. (pp. 787-794). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Holenstein, E. (1984). Die russische ideologische Tradition und die deutsche Romantik. In Jakobson R., Gadamer H.-G., Holenstein E. (Eds.). *Das Erbe Hegels* (p. 21-135). Frankfurt a/M: Suhrkamp.
- Holenstein, E. (1987). Jakobson's philosophical background». In Pomorska Kristina et al. (Ed.) Language, poetry and poetics : the generation of the 1890s:

Jakobson, Trubetskoy, Majakovskij: proceedings of the first Jakobson Coll. (pp. 15-31). MIT, Berlin – New York: Mouton de Gruyter.

Holenstein, E. (1988). *R. Jakobson. Semiotik. Ausgewählte Texte 1919-1982*. Frankfurt a/M: Suhrkamp.

Ivic, M. (1970). *Trends in Linguistics*, Paris, The Hague: Mouton.

Jakobson, R. (1929). Romantické všeslovanství — nová slavistika. In Čin, (Prague), 31 octobre. Pp. 10-12.

Jakobson, R. (1971/1929). Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik. In *Slavische Rundschau*. No. 1. Pp. 629-646 (Prague).

Jakobson, R. (1963). Efforts towards a Means-Ends Model of Language. In C. Mohrmann, F. Norman, A. Sommerfelt (Eds.). *Trends in Modern Linguistics* (p.104-108). Utrecht; Antwerp: Spectrum.

Jakobson, R. (1970). Linguistics in its relation to other sciences. In *Main trends of research in the social and human sciences*. Part one: Social sciences. (pp.419-463). Paris, The Hague: Mouton.

Jakobson, R. (1971). *SW-1 : Selected Writings*. Vol.1. The Hague, Paris: Mouton.

Jakobson, R. (1971). *SW-2 : Selected Writings*. Vol.2. The Hague, Paris: Mouton.

Jakobson, R. (1971). Principes de phonologie historique // R. Jakobson. *Selected Writings*. Vol.1. 2nd Ed. (pp. 202-220). Paris, The Hague: Mouton.

Jakobson, R. (1971). Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. In R. Jakobson. *Selected Writings*. Vol.1. 2nd Ed. (pp. 7-116). Paris, The Hague: Mouton.

Jakobson, R. (1971/1932) La scuola linguistica di Praga. In R. Jakobson. *Selected Writings*. Vol. II. (pp. 539-546). Paris, The Hague: Mouton, 1971.

Jakobson, R. (1971/1937). Antoine Meillet zum Gedächtnis. In R. Jakobson. *Selected Writings*. Vol. II. (pp. 497-500). Paris, The Hague: Mouton.

Jakobson, R. (1971/1938). Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues. In R. Jakobson. *Selected Writings*. Vol.1. 2nd Edition (p. 234-246). – The Hague, Paris: Mouton.

Jakobson, R. (1973). *ELG-2 : Essais de linguistique générale*. Vol. 2. Paris, Minuit.

Jakobson, R. (1973/1970). Relations entre la science du langage et les autres sciences. In *Essais de linguistique générale*. Vol.2. Rapports internes et externs du langage. (pp. 9-76). Paris: Minuit.

Jakobson, R. (1973a). Recherche d'un modèle des moyens et des fins dans la linguistique européenne de l'entre-deux-guerres. In R. Jakobson. *Essais de linguistique générale* (pp.312-317). Paris: Minuit.

Jakobson, R. O. (1985). Lingvistika v ejo otnoshenii k drugim naukam [Linguistics and Its Relations with Other Sciences]. In Jakobson R.O. *Izbrannyje raboty* [Selected Works] (pp. 369-412). Moscow: Progress.

Koerner, E. F. Konrad. (1975). European Structuralism: Early Beginnings. In *Current Trends in Linguistics*, 13:2, p. 717-827, The Hague: Mouton.

Koyre, A. (1971) Louis de Bonald. In *Etudes d'histoire de la pensée philosophique*. (pp. 126-145). Paris, Gallimard.

Kuhn, T. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.

Lafargue, P. (1894/1977). La langue française avant et après la Révolution. In Calvet L.-J. (Ed.). *Marxisme et linguistique*. (pp.79-144). Paris, Payot.

Lafargue, P. (1930). *Jazyk i revolutsija. Frantsuzskij jazyk do I posle revolutsii. Ocherki proiskhozhdenija sovremennoj burzhuazii*. [Language and Revolution. French Language before and after the Revolution. Essays on the Genesis of the Modern Bourgeoisie]. Moscow – Leningrad: Academia.

Maldidier, D., Normand, C., Robin, R. (1972). Discours et idéologie: quelques bases pour une recherche». In *Langue française*. No. 15.

Mańczak, W. (1970). *Z zagadnień językoznawstwa ogólnego*, Warszawa, Ossolineum.

Matejka, L. (Ed.). (1978). *Sound, Sign and Meaning: Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Meillet, A. (1921). Convergence des développements linguistiques. In *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris: Champion.

Milner, J.-C. (1982). A Roman Jakobson, ou le bonheur par la symétrie. In *Ordres et raisons de langue*. (pp. 329-337). Paris: Seuil.

Peeters, B. (1990). Encore une fois 'où tout se tient'. In *Historiographia linguistica*, XVII. Pp. 427-436.

Percival, K. (1969). Nineteenth-century origins of twentieth-century structuralism». In *Papers from the Vth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. p. 416-420.

Puech, C., Radzynski, A. (1978). La langue comme fait social: fonction d'une évidence. In *Langages*. No. 49, p. 46-65.

Saussure, F. (1967-1968). *Cours de linguistique générale*, Ed. critique par R. Engler. Wiesbaden: Harrassowitz.

Saussure, F. (1990). *Zametki po obshchej lingvistike*. [Course in General Linguistics]. Moscow: Progress.

Sériot, P. (1993). La double vie de Trubetzkoy, ou la clôture des systèmes. In *Le Gré des langues*. No. 5. P. 88-115.

Sériot, P. (1994). Aux sources du structuralisme : une controverse biologique en Russie. In *Etudes de Lettres*. Janvier-mars. Pp. 89-103.

Steiner, P. (1978). The Conceptual Basis of Prague Structuralism. In L. Matejka. (Ed.). *Sound, Sign and Meaning: Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle*. (pp. 351-385). Ann Arbor: University of Michigan Press.

Toman, J. (1981). The Ecological Connection: a Note on Geography and the Prague School. In *Lingua e stile*. No. 16. Pp. 271-282.

Toman, J. (1992). Opredeljujušće obrazy myšlenija N. S. Trubeckogo. In *Vestnik MGU*. Serija 9. No.5. P. 13-36.

Toman, J. (1992). Opredelajushchije obrazy myshlenija N. S. Trubetskogo [Determinative Ways of N.S. Troubetzkoy's Thinking]. In *Vestnik MGU. Series 9*. No. 5. Pp.13-36.

Troubetzkoy N. (1927). Obshcheslavjanskij element v russkoj kul'ture. In *K probleme russkogo samopoznanija* [On the Problem of Russian Self-Cognition]. (pp. 54-94). Paris: Evrazijskoje knigoizdatelstvo.

Troubetzkoy, N. (1921). Ob istinnom i lozhnom natsionalizme [On the Authentic and Fake Nationalism]. In *Iskhod k Vostoky* (pp. 86-103). Sofia.

Troubetzkoy, N. (1921). Verkh i nizy russkoj kul'tury (Etničeskaja osnova russkoj kul'tury). [The Top and the Bottom of Russian Culture. Ethnic Foundation of Russian Culture]. In *Iskhod k Vostoku* (pp. 86-103). Sofia: Rossijsko-bolgarskoje izdatel'stvo.

Troubetzkoy, N. (1923). Vavilonskaja bashnya i smeshenie jazykov [The Tower of Babel and the Confusion of Tongues]. In *Evrazijskij vremennik*. No. 3. Berlin. Pp. 107-124.

Troubetzkoy, N. (1927). *K probleme russkogo samopoznanija (Sbornik statej)* [On the Problem of Russian Self-Cognition. Collection of Articles]. Paris.

Troubetzkoy, N. (1927). Obshcheevrazijskij natsionalizm. [Pan-Eurasian Nationalism]. In *Evrazijskaja khronika*. No.9. Pp. 24-31.

Troubetzkoy, N. (1954). Introduction to the History of Old Russian Literature. In *Harvard Slavic Studies*. Vol. II. Pp. 91-103.

Troubetzkoy, N. (1973). *Vorlesungen über die altrussische Literatur*. Firenze: Studia historica et philologica (section slavica).

Troubetzkoy, N. (1985). *Letters and Notes* 2nd ed. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton.

Troubetzkoy, N. (1986). *Principes de phonologie*. Paris: Klincksieck.

Viel, M. (1984). *La notion de marque chez Trubetskoy et Jakobson. Un épisode de la pensée structural*. Paris: Didier-Erudition.

Yartseva, V.N. (Ed.). (1990). *Lingvisticheskij entsiklopedičeskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary of Linguistics]. Moscow: Sovetskaja entsiklopedia.

Патрик Серио
Лозаннский университет
факультет филологии
Лозанна, Швейцария
patrick.seriot@unil.ch

Patrick Sériot
Section de langues slaves
Université de Lausanne, Anthropole
CH-1015, Lausanne, Suisse
phone: +41 21 / 692 30 01